

АЛЕКСЕЙ КУДЕСИН

ШКОЛА

БОГАТЫРЕЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ПОЛУНОЧНИ

16+

Школа богатырей

Алексей Кудесин
**Школа богатырей.
Возвращение Полуночи**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кудесин А.

Школа богатырей. Возвращение Полуночи / А. Кудесин —
«ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Школа богатырей)

ISBN 978-5-532-10895-0

Серия «Школа Богатырей». Книга вторая. Отрок Любим, в коем сокрыта тёмная волна — сила поверженного перводемона Мрака, исполнил мечту и стал учеником знаменитой школы богатырей. Но ему рано расслабляться. Мало стать тягателем, надо ещё доказать, что достоин великого звания — богатырь земли русской. Впереди испытания в Запредельных лесах... Много легенд ходит о тех землях, загадочных и жутких. Но оттого лишь скорее бьётся сердце юного тягателя, и желание ширится показать себя в настоящем опасном деле и доказать всем, что не зря Любим — сын Милены, стремление имеет сильномогучим богатырём стать и всех остальных богатырей за пояс заткнуть.

ISBN 978-5-532-10895-0

© Кудесин А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Арка 0 – Нападение из темноты	6
Арка 1 – Деревня на краю леса	11
Сказ 1 – Торжественная церемония отбытия	11
Сказ 2 – Листок против Шуэтра	18
Сказ 3 – Вершина ПУСТОГО холма, где НИЧЕГО НЕТ	24
Сказ 4 – Новый хозяин Шуэтра	31
Сказ 5 – Обида урядника	36
Сказ 6 – Лексий против Сойки	43
Сказ 7 – Вий заключает контракт	49
Сказ 8 – Последний вздох Прутика	55
Сказ 9 – Мокеевка в опасности	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Школа Богатырей здесь – https://vk.com/kudesin_club

Арка 0 – Нападение из темноты

– Все-таки славная вещь – палаты ума!

Харитон, глава тайной службы князя московского, он же – первый библиотекарь Москвы, откинулся в кресле и перекинул ногу через мягкий подлокотник. Длинная чёрная борода достигала пола.

– Можно не тянуть осанку, не прятать эмоции, не держать суровый вид перед подчинёнными... Можно оставаться самим собой, и никто этого не увидит и не осудит.

С блаженной улыбкой поправил закопчённые круглые стекляшки, которые скрывали глаза. Нет, не так. Которые берегли мир от его глаз.

Он запустил руку в свежие, румяные пирожки, горкой лежавшие на большом блюде. Пальцы тут же заблестели от жира. Запах – одуряюще вкусный, рот мгновенно наполнился слюной.

Можно жрать в три пуза и не толстеть, причём пироги самые отборные, всегда свежие, с хрустящим краешком – именно такие готовила в детстве мама. Во внешнем мире просто невозможно добиться такого соответствия внутренним ожиданиям.

Откусил огромный кусок, мясная начинка брызнула на язык соком. Харитон едва не застонал от наслаждения.

– Хороши палаты ума!

Что это за палаты такие, спросите вы? О, это тайное место, о котором мало кто ведаёт, а кто ведаёт, тот молчит. Обычно, когда Харитона спрашивают, где расположены его ума палаты, он безмолвно постукивает себя длинным тонким пальцем по выпуклому лбу. Даже князь московский Александр не добился от него большего.

Но где бы они ни находились, ощущения здесь вполне реальные, а возможности гораздо более обширны, нежели в обычном мире.

Палаты ума Харитона очень похожи на светлую, чистую горницу без окон и дверей. Посредине стоит просторное кресло, обтянутое новенькой скрипучей кожей. В воздухе висит с десятком блюдечек. На каждом безо всяких сказочных яблок меняются картинки.

Сам же первый библиотекарь с удобством развалился в кресле. Руки для управления вещами здесь вовсе не нужны – достаточно повести бровью, и пирожки сами запрыгнут в рот, а блюдца подлетят и покажут то, что зрят в это самое время его писари, рассредоточенные по двору школы богатырей.

– Я на месте. Все идёт, как задумано, – раздался приглушённый голос первого писаря Листка. Харитон видел на ближайшем блюде множество людей, ступени богатырского терема и ворота.

– Добро! Продолжай наблюдать! – произнёс в пространство, сверяя по изображениям на других блюдечках положение Листка.

Конечно, это немного старомодно и даже где-то по-детски – рассматривать картинки на блюдечках. Тем более что Харитон способен воспринимать мысли всех подчинённых одновременно безо всяких кресел и блюдечек. Владельцу Зелёного Сглаза доступны и не такие вещи, но библиотекарь привык все делать удобно. Кому нужно это месиво чужих мыслей и образов, когда можно расположиться в кресле, закинуть руки за голову и не спеша, со вкусом наблюдать...

В углу палат раздался шорох. Библиотекарь резко выпрямился и огляделся.

Нет. Горница пуста, как ей и положено. Не может быть, чтобы сюда кто-то пробрался без его ведома. На такое способен разве что одержимник Вий, но он разбит и позорно бежал в Запредельные леса.

Опустился в кресло и повёл бровью. Блюдечки засуетились, как стайка мелких птичек, и выстроились в новом порядке. Церемония открытия пятьдесят седьмых тягательских испытаний развернулась перед ним во всей красе.

Не глядя, загрёб сразу несколько пирожков и закинул в пасть. М-м-м! Вкуснотища. Это ничего, что в реальном мире его длинное нескладное тело неподвижно застыло между книжными полками, а глаза тарашатся в темноту. Главное, что он заставил проглотить себя вчерашнюю кашу, и теперь соки, которые выделяются от воображаемых вредных пирогов, поедаемых здесь, пойдут на переваривание полезной каши там. Это ли ни счастье для пожилого человека?

Приблизил одно из блюдечек. На нем золотоволосый растрёпанный паренёк с вечно восторженным лицом. Глядя на него, мало кто поверит, что ему обязан своим провалом Вий – один из опаснейших одержимников этого мира. Если честно, Харитон тогда посчитал, что отрок не выживет в той заварухе, и даже приготовил нового носителя для темной волны перводемона, которая хранилась в Любиме. Но отрок удивил. Доказал всем, что он не пешка, которую можно разменять ради будущей выгоды.

– Этот паренёк доказал, что он серьёзная фигура в нашей партии...

Любим тогда не просто выжил вопреки обстоятельствам, он умудрился завладеть Глазом Ворона – мощным артефактом на земной тяге богатырей. Теперь он самый уникальный человек во всех шести княжествах. Шутка ли, в одном человеке объединились две несовместимые силы: тёмная волна перводемона Мрака и земная тяга Святогора...

Харитон тряхнул головой. Блюдца разлетелись. Тарелка с пирогами рухнула на пол и откатилась в угол. Сапожище библиотекаря с чавканьем растоптало горку пирогов.

– Где ты?! – вскричал он, выставя вперёд чёрную бороду. – Выходи!

Бабах! Ума палаты едва заметно дрогнули. Со стропил повалилась труха.

– Не может быть, – проговорил Харитон. Он глянул на блюдца – во дворе школы богатырей тишь да гладь.

Хрясь! Бах! Граум!

Толстенные бревна с хрустом переламывались. Крыша начала рушиться внутрь. Первый библиотекарь едва успел произнести формулу выхода.

Пуф! Возвращение в реальный мир в первое мгновение всегда дезориентирует. Оно и понятно – в палатах ума время идёт по-другому, разуму и телу необходимо время, чтобы соединиться вновь.

З-зих-зих-зих – звук из темноты библиотеки, словно крылья огромной стрекозы рассекают воздух. Харитон выхватил два кинжала в виде писарских перьев. Дзинь! Дзинь! Они отбросили что-то стремительное и звонкое. Зих-зих-зих. Звук отдалился.

Библиотекарь моргнул и окончательно пришёл в себя.

– Кто посмел напасть на хозяина в его доме? – рокочущий голос заполнил библиотеку, сотрясая пространство невидимой дрожью. Эта дрожь проникала в самые дальние уголки, отражалась от стен и предметов и возвращалась к хозяину. В голове Харитона нарисовался единый образ хаотичных библиотечных закоулков, больше похожих на нору безумного зверя. И среди этих закоулков перемещался чужак.

– Я знал, что тебя так просто не взять, – раздался тонкий голос из темноты.

Зих-зих-зих. Невидимая «стрекоза» приблизилась. Харитон отпрянул, отводя удар кинжалом, вторая рука легла на переплетение многочисленных веревок, которыми были опутаны внутренности библиотеки.

– Ты зря сюда явился, – сказал он. Чуткие длинные пальцы принялись быстро менять жесты. По верёвкам пошли волны, казалось, все здание отозвалось на эти сигналы.

В разных концах библиотеки вспыхнули тусклые огоньки. Стало видно тёмное нутро терема. Здесь почти нет перегородок и поверхов. Библиотека – одна большая причудливо изогнутая полость-лабиринт. Стены уставлены полками с книгами, поверх идут бесконечные верё-

вочные лестницы, канаты, большие и маленькие верёвочки и тесёмки. Выглядит так, словно здесь обустроил логово гигантский паук.

Светильники вырвали из темноты небольшую фигуру. Зелёный кафтанчик, сандалии на босу ногу и бритая голова с крохотной чёлкой. Словно гигантское насекомое, незванный гость стремительно взмахивал над собой чем-то блестящим и звонким, и перемещался по воздуху подобно...

– ...стрекозе, – воскликнул Харитон. – Шустр, это ты?

– Аха-ха-ха! – расхохотался тонкий голос. – Я рад, что ты меня помнишь.

– Зачем явился? Решил поступить на службу к московскому князю?

– Харитон, ты меня знаешь – я всегда служу самому сильному хозяину. С тех пор, как сгинул князь Владимир, мне нечего делать в шести княжествах.

Библиотекарь продолжал трогать верёвку, стараясь, чтобы уходящие по ней вибрации не были заметны.

– Кто твой хозяин? – спросил он, все скорее перебирая пальцами. – Неужели Вий?

Позади замершего, как муха, Шустра зашевелились и поползли в его сторону верёвки.

Зих! Зих! Зих! Стрекозиные крылышки ожили, одна из верёвок распалась на части, Шустр перепорхнул к другой стене.

– Вий? Этот жалкий предатель? Нет! – выкрикнул парень.

Верёвки извивались, пытаясь опутать пришельца, тот крутился, как волчок, перелетая от стены к стене. Бешено вращающиеся мечи рубили пеньку и воздух.

– Тебе не уйти, – проговорил библиотекарь, поблёскивая стекляшками.

– Уйду в любой момент – ухмыльнулся маленький человечек. – Тем более я уже сделал, что хотел. Отвлёк тебя от наблюдения за церемонией. Ха-ха-ха!

И столько восторга было в его голосе, столько дикого счастья, что Харитон поверил.

Он замер, уходя в себя. Обстановка библиотеки поблекла, сквозь неё проступили стены палат ума и прозрачные блюдца. С облегчением увидел, что в школе богатырей все спокойно. Тут же пронзила мысль: «Обман! Меня провели, как ребёнка!»

– Аха-ха-ха! Купился!

– Только на миг, – пророкотал Харитон, возвращаясь. – Ты ничего не успеешь сделать...

– Уже успел.

Шустр бешено закружился и ринулся прямо в книжные полки.

Зих-зих-зих! З-з-з-з! С визжащим звуком вращающиеся мечи врезались в полки. Брызнула щепка и клочки бумаги.

– Нет! – закричал первый библиотекарь. – Мои книги!

Харитон ощутил почти физическую боль, глядя на обрывки страниц. Позабыв о сигнальном шнуре, бросился к прорехе, но было уже поздно.

– Зря ты не уничтожил Книгу Полуночи, как требовал князь, – донёсся насмешливый удаляющийся голос.

Из дыры падал круг солнечного света.

Харитон застыл, потом метнулся в дальний угол библиотеки: пол разворочен, на дне тайника разломанный сундучок, прикованный цепями к каменному полу.

Пусто.

– Ты решил бросить мне вызов, Шустр? – прорычал Харитон. – Добро. Поиграем.

Библиотекарь окаменел, только ветер из круглого отверстия шевелил длинную бороду. Если внешне ничего не менялось, то внутренне он стремительно погружался в тёмное шевелящееся ничто. Это походило на спуск в глубокий омут. Очень глубокий бездонный омут.

Появились палаты ума. Помещение из брёвен без окон и дверей, удобное кресло и десяток блюдец. Нет. Сейчас нужно не это. Харитон стремительно погружался дальше. Глубже,

глубже, ещё глубже. Туда, где пропадает зрение, слух, осязание. Там совсем нет чувств. Есть один чистый разум.

Только самые подготовленные способны спуститься на нижний уровень палат и остаться собой. Слабый ум растворится во мраке, как сахар в горячей воде. Он не сможет удержать себя в чётких рамках, ибо там нет рамок. Там нет тела, там нет внешнего и внутреннего, нет тебя и нет вне тебя. Есть лишь тёмное ничто и искорка трепещущего разума. Если не сумеешь удержать его в точке – ты пропал.

До сих пор Харитон был единственным человеком, кому это удавалось. Он знал ещё трёх, кто пытался и не смог. Но после того как Вий заключил его дочь в оковы ума, она сумела вырваться, опустившись сюда, на второй уровень.

– Теперь ты не такой уникальный... – шепнул голос из тьмы.

– Отстань.

Голоса. Да. Это то, что всегда здесь было и всегда будет. То ли демоны, то ли просто шёпот с той стороны сознания.

Дальше. Ещё глубже. Туда, где мерцает свет. Нет, это не свет в обычном его понимании. Его невозможно увидеть. Его нельзя ощутить. Этот свет можно лишь осознать. Ибо это то, что является стержнем в этом иллюзорном мире. То, что не даёт разуму развеяться в пустоте.

Это Головоломка.

Перед ним висело огромное сооружение из большого числа частей, каждая причудливой формы и окраски. Они взаимодействовали друг с другом, сцеплялись сотнями и тысячами связей. И все эти связи казались либо правильными, либо фальшивыми. Харитон чувствовал это нутром. Когда он спускался сюда, пытался уравновесить эти связи, переставляя элементы головоломки, выстраивая их вновь и вновь.

Ничего не получалось. Головоломка явно была не полна. И вот теперь у него новый элемент.

– Шустр. Див с манией сильного хозяина.

Это не были слова. Это были воспоминания слов, которые тут же превратились в элемент. Он висел перед Харитоном, как ошестившийся ёж.

Связи. Тысячи связей. Если бы он делал это в обычном мире, не увидел бы и сотой их доли. Только самые грубые умозаключения доступны в реальном мире. В палатах ума первого уровня можно замедлить время и перебрать гораздо больше вариантов, повертеть проблему и так и этак.

Здесь же человеку дано разом постичь истину, отбрасывая ненужные костыли логики. Если собрать головоломку на втором уровне разума, во внешнем мире тебя озарит идея. Нужная мысль придёт сразу и точно в цель. Это похоже на чудо, но это не чудо. Это использование своего мозга на пределе.

Харитон осторожно приблизил новый фрагмент к головоломке, связи зашевелились и потянулись к местам, которые наметились вроде бы сами собой. На самом деле это самые логичные и рациональные связи. Но не всегда правильные.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Это звук в обычном его понимании, но Харитон нуждался в этой визуализации, как слабый человек. Эти щелчки означают разные варианты расположения элементов. Они ускоряются, сливаются в гул.

В груди, которой здесь не было, ширился восторг. С новым элементом головоломка, нет, не решалась. Но множество доселе зависших в пустоте связей нашли свои места.

Щёлк-щёлк-щёлк.

Мельтешение цвета и формы прекратилось. Харитон почувствовал удовлетворение. А потом он двинулся вверх. Не быстро. Осторожно. Не спеша.

И чем выше поднимался, тем больший ужас его охватывал. Это началось с лёгкого беспокойства, вылилось в стойкое ощущение беды. Когда же проскочил палаты ума, ужас заполнил все его существо.

Вий, казавшийся страшным и непобедимым, отскочил куда-то на обочину, на задворки волнения. Вместо него всплыло нечто огромное, ярко алое, шевелящееся. Эта глыба готова была разрастись и раздавить под собой всю... Русь?! Мир?! Вселенную?!

Если выскочить из глубин палат разума резко, можно навсегда остаться пускающим слюни дурачком, размазав свой разум тонким слоем, как масло в бутерброде.

– Недавно его дочь сделала это и осталась цела... – напоследок шепнул невидимый голос.

Эта мысль вонзилась в ум, словно стрела, и засела, как заноза. Он ухватился за неё, трусливо убегая от волны обжигающего ужаса.

– А-а-ап! А-а-х-х-а-п!

Он вынырнул, словно из настоящего омута, дыхание никак не восстанавливалось. Он хватал воздух распахнутым ртом. По телу бегали огненные жуки – так бывает, когда отсидишь ногу.

Дикий ужас померк и ослаб. Мир показался обыденным и скучным. Жаль, что ему остались считанные годы...

Харитон содрогнулся всем телом и волевым усилием взял себя в руки.

– Считанные годы, – проговорил он. – Это если станем сидеть, сложа руки. Но мы не станем.

Все ещё дрожа, он выпрямился и приложил палец к уху. Зрачки его дрогнули и поменяли размер.

– Листок! Бросай все... следуй в Моховые болота... Книгу Полуночи снова украли...

Арка 1 – Деревня на краю леса

Сказ 1 – Торжественная церемония отбытия

– Это самое страшное испытание, которое со мной случалось, – подумал Любимка.

Так скверно не ощущал себя даже когда остался один на один с одержимым Виём в его иллюзорном мире.

Во рту пересохло, руки-ноги превратились в неподъёмные колоды, которые ещё и противно подрагивали. Желудок возился внутри живота, словно решал, через какой выход вытолкнуть завтрак.

– И зачем я его вообще ел! – в сердцах бросил тягатель.

Он находился за кулисами сцены, наспех сколоченной Борей и Долей – плотниками школы богатырей. На сцене в нарядном кафтане и с походными гуслиями в руках стоял Матфей.

Трень! Брень! – самозабвенно тербил он струны.

Из-за соседних кулис вышел высокий тощий парень, похожий на гигантского кузнечика. Он встал рядом с гусяром и заголосил:

– Завелось в дальнем лесу запредельном чудище! Чудище – страшилище!

Любимка вытянул шею. Тульский тягатель словно бы и не волновался вовсе, шпарил как по написанному. Вот бы мне так.

– Слишком рано вступил, – зашептала за его спиной девушка-менестрель Пелагея. – Матфей не успел доиграть тему благополучия Руси...

– Глупо ожидать, что обыкновенные тягатели все сделают, как положено, – невозмутимо отозвалась Варвара. – Погляди на Любима. Да он перед перводемоном так не трясся.

Любимка обернулся и расплылся в широкой улыбке – зрите, какой я невозмутимый. Зубы тут же свело, улыбка превратилась в оскал.

Девушки переглянулись и хихикнули. У отрока потеплело на душе. Нет в мире более несхожих девиц. Варвара вся из себя безупречная, выверенная. Платье с множеством завязочек, и каждая пара затянута аккуратным узелком-бантиком. Темно-рыжие волосы собраны в две аккуратные косицы, под мышкой неизменная стопка книг.

Пелагея, наоборот, небрежная да разудалая, что не делает её менее красивой. Прямые длинные волосы ничто не удерживает, длинное платье пёстрое и весёлое, за спиной небольшие гусли и сума.

Одно объединяет двух девиц. Когда они смотрят на Любимово юное, почти детское лицо, на золотые волосы и синие, как небо, глаза, взоры их делаются одинаково встревоженными и нежными. Только Варвара эти чувства прячет за показной хмуростью, а Пелагея за бесшабашной весёлостью.

– Нда, пожалуй, Шестерён ещё неплох, – кивнула Пелагея и вновь уставилась на сцену.

– Чудище! Спасите! Помогите! Чудище!

Из соседних кулис звонким голосом кричала Сойка – синеволосяя девица. Она очень натурально изобразила утращённый чудищем простой люд. Впечатление смазал громкий хохот, который, впрочем, девица попыталась приглушить, зажав себе рот. Вышло так, словно чудище придушило кого-то из мирных жителей.

– Клац-клац-клац!

А это уже болотник Болтя – тоже тягатель из Белой Роси. Он напоминал огромную лягуху с щучьими зубами. И больше всего на свете эта лягуха любит ими клацать.

Вжух! Ветер рванул золотистые волосы Любима. На сцену выскочил Неждан – маленький и шустрый тмутараканский тягатель.

– Я побегу на быстрых ногах и все разведу, – заявил он громко. – Ведь я из княжества Тмутаракань. Там живут самые быстрые люди! Мы – быстрее ветра!

Картинно задирая ноги и выбрасывая перед собой согнутые в локтях руки, он побежал за противоположные кулисы.

– Не туда убежал! – обречённо констатировала Пелагея. – Запредельный лес с нашей стороны. И чудище у нас здесь!

Она указала на Любима. Тот подошёл к брошенному на пол костюму и набросил на себя зелёную чешуйчатую материю. Осталось нахлобучить большую страшную маску в виде змеиной головы, лежащую на скамье рядом.

– Хвост, ты ещё здесь? – спросил Любим, оборачиваясь назад. Чешуйчатый хвост тянулся через все помещение и примерно посередине имел ещё одну пару ног.

– Бу-бу-бу! – донеслось оттуда. – Бу-бу.

– Ёшки-матрёшки! Ничего не понял, но думаю – все в порядке!

– А Наум там не задохнётся? – озабоченно оглянулась Пелагея.

– Мы дырок навертели, – ответила Варвара с сомнением в голосе.

– Послушайте, – воскликнул Любим, замерев с головой змея в руках, – похоже, им нравится.

Варвара подошла к портъере, закрывающей небольшие оконца. Из-за них доносился шум большого собрания людей.

Желудок Любима сделал кульбит.

– А я – лихой казак! Мне ничего не страшно! – Настала очередь Остапа появиться на сцене.

Чтобы подчеркнуть казацкую принадлежность, он снял плат. Солнце играло бликами на бритом черепе. Тёмный оселедец жизнеутверждающе торчал из макушки.

– Доблесть наших воинов известна всему миру! Мы – лучшие из лучших, и мы поможем вам! – Рядом с казаком появился Ярополк в великолепной позолоченной кольчуге и с длинным деревянным мечом.

– Стойте! В лес нельзя соваться без знаний! Никто не чует природу лучше нас – дивов Белой Роси! – подал звонкий мальчишеский голос из-за кулис Конопат и толкнул зазевавшегося Болтю на сцену.

Тот кубарем выкатился под ноги казаку и Ярополку и злобно заклацал зубами, потрясая маленьким кулачком в сторону Конопата.

Шум за пределами сцены усилился. Любимка услышал хохот и свист. Он осторожно подошёл к окну и выглянул в щёлку, через которую уже смотрели Варвара и Пелагея.

Ноги подломились, едва не упал. Сцена была построена так, чтобы её хорошо было видно и с Соборной площади, и с крыльца богатырского терема – это Любим хорошо уяснил ещё накануне. Только вот вчера и там, и там было пусто, а теперь...

Отрок хотел отпрянуть, закрыть глаза руками, забыть, но было поздно. Тело обдало морозом, члены окаменели. Только и мог, что стоять и смотреть распахнутыми глазами.

Соборная площадь была полна народа. Казалось, жители всего города и близлежащих деревень явились на церемонию отбытия тягателей в Запредельные леса. А вместе с этим и представление, затеянное Харитоном и князем Александром для поднятия воинского духа и ради единения княжеств.

Теперь все эти люди глазели на сцену, тыкали пальцем, свистели, улюлюкали, смеялись. Любимка громко сглотнул и позавидовал Науму, прячущемуся в уютной темноте хвоста.

– Сынку! Неужошь спустишь похвальбу маскалацкую?! – громовой глас перекрыл шум толпы.

Любимка позабыл о страхе и вытянул шею: просторное крыльцо богатырского терема тоже не пустовало – там стояли прибывшие князья и их первые помощники.

Кричал казак в богатой одежде. Толстенное пузо нависало над красным кушаком. Голова точно так же обрита, как у Остапа, только посередке лежал седой уже оселедец. Подбородок старого казака чисто выбрит, а усы свисают до ключиц.

– Не спущу, батьку! – радостно заорал молодой казак. – Ой, не спущу!

Он обратился к ошалевшему Ярополку.

– Плох тот день, коли не выдалось доброй драки! – громко произнёс он и бросился на сына воеводы.

Меч хрустнул и распался на две части. Тягатели покатались, отвешивая друг другу тумачи.

– Это не по сценарию! – заволновалась Пелагея.

Из-за кулис выметнулся Неждан.

– Я все узнал, – зычным голосом начал он, – чудище идёт... – Он увидел свалку и пискнул уже нормальным голосом. – Ого! А тут интересно! – Он азартно принялся прыгать вокруг боровшихся. – Давай, Ярик! Врежь ему! Не поддавайся!

По Соборной площади прокатился хохот и свист. Матфей перестал играть и опустил гусли. Рядом тут же появился молодой воин в кольчуге и при кинжале. На плече богатыря косо сидело глиняное чучелко с рубинами вместо глазок.

– Чего не играешь?

– Они не по уговорённому дерутся, отчего я по неоговорённому играть должен? Не-е, мне никто за это не заплатил!

Он сунул гусли в руки ошалелого наставника и шагнул к драчунам.

– Принимаем ставки. Неждан ставит гривну на Ярополка! Кто поверит в доблесть казачества?..

Над частоколом заострённых брёвнышек тут же поднялся лес рук.

– Меня! Меня запиши!

У подножия богатырского терема стояла группа купцов из Новгорода. Все как один толстые, несмотря на жару, в меховых кафтанах и соболиных шапках. Самый высокий и толстый из них довольно крякнул и пропустил бороду через кулак.

– Молодец, парень. Добрый купец выйдет.

Это был Добрыня – глава новгородской делегации.

Стоял поглядел на гусли, потом в сторону кулис, где скрывалась Пелагея. Пожав плечами и изобразив отрешённое лицо, начал бренькать что-то в такт ударов, несущихся из клубка тягателей, в который уже затянуло и Болтю.

– Они все испортили! Испортили! – со слезами в голосе причитала Пелагея.

– Закрывай, – махнул Стоян рукой, меж щипков струн. – Закрывай занавес.

– Он махнул, – оживился Любимка. – Время для чудища!

И весело поскакал на сцену, нахлобучив на голову шапку в виде змеиной пасти. Предупредить Наума не удосужился, парня дёрнуло, он повалился и покатился следом за Любимом, растопырив ноги.

– Рррра! – радостно рычал отрок. Когда настала пора действовать, все страхи разом улетучились. Он самозабвенно отыгрывал роль. – Древнее зло пробудилось и заполнит мирррррр!

Голова змея была ему велика и сползла на глаза. Любимка почти ничего не видел. Сзади что-то верещало из хвоста Наум, спереди пыхтело, и раздавались звуки ударов.

– Ну и пускай, – подумал Любимка. – Я же древнее зло! Недосуг мне сортировать кто есть кто! Всех пожру!

Он рванул вперёд с удвоенной скоростью. Под ноги что-то попало, он повалился. Сзади его догнал Наум. Все перемешалось на сцене. Туша змея уронила Неждана и Матфея в общую кучу и накрыла собой. Над всем этим неслось:

– Сиу-сиу-ссссвисть!

Это Сойка, которая должна была изображать ветер, не удержалась и решила поддержать общее веселие.

– Все не так! Все не так было! – кричала Пелагея, заламывая руки. – Они должны были действовать сообща! И победить змея! Я князю обещала!

Но её никто не слышал.

Варвара поглядела на общую свалку на сцене, потом бросила быстрый взгляд на хохочущих зрителей и на помост, где стояли князья. Атаман хохотал, второй князь – седовласый Ермак – показывал большой палец, лишь князь Александр был мрачнее тучи.

– Надо спасти ситуацию, – сказала девица.

– Что мы можем? – плача, спросила Пелагея. – Они все безнадежно испортили!

Дочка библиотекаря упрямо тряхнула косицами:

– Пока мы живы и в полном уме – выход есть.

Она широким шагом вышла на сцену. Накрытые змеем тягатели перестали сражаться, притихли. Замолкли зрители, ожидая продолжения. В наступившей тишине Варвара ощутила на себе сотни взглядов и вдруг оробела. Бррр! Легче перед князем и боярами выступить, чем перед такой толпой.

Опустив глаза, чтобы не отвлекаться, она громко провозгласила:

– Таков печальный результат... – и запнулась.

Кровь отхлынула от щёк. Нужные слова никак не шли на ум. Она растерянно повернулась к кулисам и глянула на Пелагею.

Девушка-менестрель мгновенно сообразила, что делать.

– Ру..и тре...ож..о..о раз..а..а! – проартикулировала она.

– Руси тревожного разлада, – торжественно продолжила Варвара, кося позеленевшими от страха глазами за кулису. – А страшной тьме лишь то и надо, – и с чувством закончила: – чтоб мир поработить навек!

В миг, как она закончила, зелёная туша зверя отлетела в сторону, тягатели, жмурясь и закрывая глаза от яркого света, поднимались на ноги и глядели в зал.

Зрители в молчании выслушали Варвару, пару мгновений стояла тишина, будто они ждали, не скажет ли она ещё что-то. А потом площадь взорвалась громовыми аплодисментами, криками и свистом. Звучало это вполне одобрительно. Варвара оглянулась и неуверенно улыбнулась.

– Кланяйтесь! – прошептал Стоян, вручая гусли Матфею.

Варвара низко поклонилась. Лицо её полыхало.

Крики и хлопки усилились. Стоян отвесил пару подзатыльников, и кланяться начали все. Любимка заметил тягателей, не участвовавших в постановке. Они стояли внизу у самой сцены. Равнодушный Лексий, высокомерный Димитрий, Клоп в скomorошьем наряде, печальная Несмеяна, неподвижный Неклюд.

– Теперь все уходим, – широко улыбаясь зрителям, проговорил наставник сквозь зубы.

Возглавляемые им тягатели ушли влево, Варвара с Любимом и Наумом вернулись к Пелагее.

Аплодисменты и одобрительный свист ещё какое-то время не умолкали.

– Уф, – Варвара утёрла лоб и рухнула на скамью. – Я думала – все пропало.

– Варька! Ты снова всех спасла! Я так рада! – подскочила к ней Пелагея и обняла дочку библиотекаря.

– Да, Варька такая, – сказал Любимка, улыбаясь. – Варвара Премудрая!

Пелагея счастливо рассмеялась. Щеки Варвары покраснели.

– Жаль только концовка вышла не та...

– А по-моему, так даже лучше! – жизнерадостно заявил Любимка. – Какая драчка здоровская вышла! Мечи-калачи! Он ему – бац! А тот ему!..

– Проблема в том, Любим, – сказала Варвара, – что мы планировали показать единство шести княжеств, а в итоге показали последствия беспечности и ссор.

– Ой, Любим. Тебя наставник Стоян зовёт, – сказала Пелагея.

Любимка поглядел на сцену. Стоян уже выпихнул всех тягателей на сцену и неодобрительно зыркал в его сторону.

– Наум, скорей выходим!

Отрок выудил толстоватого парня из хвоста змея и утащил за собой на сцену.

– Уф, ну и денёк! – девушка-менестрель шлёпнулась рядом с Варварой на скамью.

– Когда работаешь на князя, скучать не приходится, – ответила та.

Потом началась торжественная часть, и Любимка безнадежно заскучал. Сперва делегация из Белой Роси – рослые мужи в одеждах из чёрной выделанной кожи долго отнекивались и не желали говорить. Далее вышел толстый Добрыня и гулко начал:

– Все мы знаем, как затратно содержать тягателя. На одни только кафтаны-портки уходит несколько гривен, не говоря уж о сапогах. Если же сюда оружие присовокупить, и вовсе выходит...

Любимка стоял на сцене и глазел вокруг. Соборная площадь московского кремля переполнена людьми. Золотые купола соборов ярко сияют на солнце. Зеваки облепили забор из заострённых колышек, отделяющий двор школы богатырей от площади. Уличные торговцы бойко предлагают товар, акробаты ходят колёсами и жонглируют факелами. Не всем слышно, что говорят во дворе школы богатырей, а какой смысл скучать, если можно не скучать.

Добрыня закончил и отошёл к своим.

– Путешествуйте, открывайте новые земли, наслаждайтесь ими, – начал свою речь князь тмутараканский Ермак. – Потом возвращайтесь назад, чтобы рассказать о них и вдохновить на путешествие других!

В его глазах сияла страсть к приключениям. Кажется, не договорит, ринется с помоста, расталкивая толпу. Вперёд! Топтать неизведанные земли Запределья, а то и вовсе углубиться в таинственную и страшную Тайгу...

На стене богатырского терема искусно вырезаны сцены подвигов известных богатырей: вот отец Лексия срубает голову огромному Тугарину, дальше по стене Добрыня побеждает Змея Горыныча, а за левым плечом Ермака...

Любимка вдруг заволновался.

– Каково Сойке на это глазеть! Я раньше не думал об этом!

Искусно вырезанный Илья Муромский пленял Соловья Лиходела. Любимка нашёл глазами синеволосяную девицу. Та стояла с краю и на терем даже не глядела.

Наконец дело дошло до атамана Тараса. Он вдохновлённо и лихо прокричал свою речь, если можно назвать этим словом набор воплей, оскорбляющих всех и вся и возносящих казаков до небесных вершин.

Вперёд выдвинулся князь московский Александр. Его тихий голос, тем не менее, хорошо был слышен во всем дворе.

– Школа богатырей – это наше общее наследие. Неважно, из какого ты княжества: белорус или малоросс, новгородец или тмутараканец, москаль или из Тулы – врата школы открыты для всех. Я надеюсь, тягатели во время обучения продемонстрируют истинное товарищество и взаимное уважение, а потом, когда разъедутся по своим землям, научат этому своих соратников...

Его серые пронизательные глаза внимательно изучали собравшихся.

– Да! Мы обязательно подружимся! – вскинул кулак Любим и стушевался под строгим взглядом Стояна.

Варвара и Пелагея припали к окошечку за кулисами. В руках девушки менестреля появилась крохотная книжица, куда она записывала угольком примечания для будущей поэмы.

– ... Именно для этого Святогор и создал школу богатырского мастерства, – продолжал князь. – Ради единства нашей воинской доблести. Ради единства нашей земной тяги, которая плещет во всех русских людях от рождения. Ради нашего общего единства!

Отличие от Любима, Варвара внимательно наблюдала за другими тягателями. Не все воспринимали слова князя позитивно. Димитрий и Остап перемигивались и презрительно улыбались. Лексий со скучающим видом что-то говорил Сойке, та держала независимый вид, но слушала его куда охотней, чем князя. Болтя – похожий на лягушку тягатель из Белой Роси – злобно скалился и щелкал зубами. Здоровяк Конопат улыбался, словно не понимал о чем речь.

Любимка весь издёргался. Когда, наконец, кончится эта болтовня, и их отпустят?! Взгляд наткнулся на Листка. Писарь неприметен, стоит внизу рядом с крыльцом и глядит на зевак. Обычно беззаботный и простоватый, теперь он замер, прижав палец к уху. Что-то шепчет в пространство, потом прислушивается и снова говорит.

«С дедкой Харитоном гутарит!» – понял Любимка. С некоторых пор знал, что первый библиотекарь Харитон и самый опасный одержимник Вий – братья, они обладают схожей силой. Эта сила зовётся Зелёный Сглаз и позволяет проникать в головы других людей. Вий использует это, чтобы превращать людей в марионетки и подчинять своей злой воле.

Харитон – не таков. Применяет своё умение на благо княжества, чтобы сплотить группу своих писарей-богатырей в единый дружный отряд.

Лицо Листка хмурится и серьёзнее – что-то произошло. Писарь отнимает палец от уха и осматривается. На богатырском дворе дежурят ещё несколько писарей. Листок перемигнулся с одним, потом со вторым. Те отвечают едва заметными кивками, а потом...

Пуф. Листок исчез. Только колыхнулась пыль на том месте, где он только что стоял. Так умеют делать только настоящие богатыри. Земная тяга позволяет им перемещаться быстрее молнии, а тренированное тело выдерживает эти нечеловеческие нагрузки.

Отрок огляделся: все слушают князя Александра, он вот-вот закончит. Если тихонечко ускользнуть через кулисы, можно поспеть за писарем и....

Князь Александр закончил. Толстые пальцы атамана Тараса с множеством золотых перстней пригладили усы.

– Сынку Остап! Покажи им казацкую удаль! Пусть знают – когда казачки рядом, остальным делать нечего!

– Покажу, батьку! Покажу! – радостно отозвался Остап.

Любимка всхрапнул, как ретивый конь.

– Мечи-калачи! Это мы ещё поглядим! – крикнул на всю площадь. – Остап хорош, но и мы не лаптем щи загребам!

Зрители засмеялись, Любима поддержали свистом и подбадривающими возгласами. Тарас довольно подбоченился и что-то сказал князю Александру. Тот улыбнулся. За их спинами маячило злобное лицо урядника Фрола. Вот уж кто Любимку жалеть не станет.

Будь его воля, Фрол с большим удовольствием забрал бы Любима из школы богатырей и спрятал за семью печатями, как какую-нибудь кубышку с сокровищем. Хорошо, что князь придерживается другого мнения, и воли своему уряднику не даёт.

А потом князь Александр выступил вперёд и вскинул руку. В наступившей тишине его голос прозвучал непривычно громко и торжественно.

– Други мои. Объявляю пятьдесят седьмую церемонию отбытия тягателей школы богатырей...

– Убег! Княже! Убег ирод!

Басовитый крик перекрыл голос князя. Через толпу проталкивался здоровенный парняга в кафтане стража. Князь нахмурился и поглядел на него.

– Корней, ты мешаешь торжественной церемонии! – пронзительно каркнул Фрол.

– Убег! Княже! – словно не услышал парняга.

– Кто ушёл? Говори толком, – взмахом руки князь успокоил Фрола и взволнованных людей.

– Иваш ушёл! Охраняли! Вот те крест охраняли! Глаз не сомкнули. А дверь открыли кормить, а его нету!

Варвара, Пелагея и наставник разом оглянулись на Любима. Тот стоял, округлив глаза.

– Теперь ясно, чего Листок так резко сорвался. Пральна я не пошёл, мне теперича Иваш мелковат будет...

Сказал и смущённо потупился – вроде как хвастовство вышло, а настоящий богатырь не хвастает.

Иваш был богатырём, которого Вий использовал, чтобы выманить Любима из города. Бедняга страшно поплатился за своё предательство, утратив навсегда богатырскую силу.

– Что за беспечность?! – сдвинул брови князь и глянул на воеводу Стойгнева, который стоял внизу, рядом с новгородцами.

Тот поглядел по сторонам, словно искал, кому отвесить подзатыльник. Никого не нашёл, поэтому пожал плечами и молвил.

– Он же больше не богатырь. Никуда не денется.

– Вот-вот, – выступил вперёд первый богатырь Буслай, который прятался за белорусцами. – Даже это княжым гридням доверить нельзя. Отправим моего богатыря, он мигом обернётся...

Стойгнев покраснел и раздулся.

– Между прочим, Иваш – бывший богатырь, а не гридень...

– Прошу заметить – бывший...

Князь взмахом руки остановил спорщиков и закончил церемонию, двор забурился. Тягатели прощались с родными и друзьями, зрители тянули шеи. Шум поднялся невообразимый. Варвара прослезилась, Пелагея натянуто смеялась, батенька Варфоломей, который до сих пор ждал внизу, очень крепко его обнял. Любимка счастливо рассмеялся и крикнул им:

– Я вернусь богатырём! Обещаю!

А потом тягатели выстроились в колонну, во главе встал Стоян. На плече замерло уродливое глиняное чучелко. В разом установившейся тишине громко прозвучал голос наставника:

– Песню запе-вай! Шагом марш!

Топ-топ-топ! – били выложенную булыжником мостовую крепкие тягательские каблуки. Первым затянул Матфей – тягатель из Новгорода. Потом подхватили все. Любимка вытянул шею и разглядел сияющие глаза Пелагеи – это была её песня.

– Не для меня придёт ра-а-асвет, не для меня-а-а-а Дон разольётся...

Впереди их ждали жутко опасные и страшно интересные Запредельные леса.

Сказ 2 – Листок против Шуэтра

Листок мчался по опустевшим улицам. Харитон направлял его из палат ума.

– В корешке книги Полуночи спрятан сигнальный жук, – голос первого библиотекаря звучал прямо в голове писаря, минуя органы слуха.

– Похититель сильно просчитался. Кстати, кто он?

– Наш старый знакомый Шуэтр...

Харитон замолчал, Листок продолжил за него:

– ...див с манией сильного хозяина. Никогда не действует самостоятельно. Ему важно знать, что его хозяин самый влиятельный из всех возможных. Мечник. Знаменит полетами и скоростью.

– Неплохо. Иного я от тебя не ждал...

– Моя цель?

– Вернуть книгу и Иваша...

– Иваша?

Не успел писарь закончить вопрос, как в голове явился образ простоватого парня из охраны и нахмуренное лицо князя. «Убег! Иваш убег!»

Листок кивнул:

– Ясно.

– Иваша отыщешь там же, где и книгу.

– Поддержка будет?

– Нет. Все силы брошены на охрану тягателей. Среди них Любим – он важен.

– Ясно.

Перед Троицкими воротами писарь замедлился. На страже Охав и Гвоздь. Листок кивнул и выскользнул на мост. Здесь пусто, все отправились глазеть на церемонию отбытия тягателей.

Хлоп! Вокруг писаря образовался невидимый кокон переменной массы. Волосы и полы рубахи невесомо поплыли по воздуху, движения резко ускорились, а мир стал ярче и резче.

Новгородский тракт уходил сквозь Моховые болота, но Листок почти сразу свернул. Под сапогами зачавкало, из зарослей осоки поднялись тучи гнуса. Противные голоса лягушек затихали, чтобы зазвучать ещё громче после того, как он пройдёт. Миновал заросли козушки, в которых в прошлый раз таился Вий, и увидел полуразвалившееся строение из почерневших, заплесневелых брёвен – заброшенный терем, куда Иваш заманил Любима, чтобы передать его демону Ярости. От терема доносились приглушенные голоса.

Листок перевёл дух и шагнул из зарослей:

– Кого я вижу?! Иваш решил прогуляться по местам былой славы?

Молодой парень в простой одежде в ответ затравленно оскалился, вытягивая шею и заглядывая за спину говорившему – ждал ещё богатырей. Зато маленький див остался спокоен. Темно-зелёный кафтан распахнут на груди, на шее – массивная золотая цепь, сандалии на босу ногу запачканы и потёрты. Голова гладко выбрита, лишь надо лбом крохотная чёлка. Маленькие ладошки легли на рукояти мечей в заплечных ножнах.

Так вот он каков – див, сумевший перехитрить Харитона в его берлоге. Нужно быть начеку.

– Иваш, ты собрался нас покинуть? – спросил писарь весело и дёрнул себя за выбивающийся из-под картуза чуб. – Нехорошо, надобно вернуться, пока охрана не осерчала.

Иваш оскалился, как загнанный в угол пёс. Несмотря на то, что Листок явился один, недооценивать его не стоит: хоть об этом и не трубят на каждом углу, всяк в княжестве знает, что писари Харитона – настоящие богатыри. Хотя и Шуэтр не простой див: в последней битве против одержимых людей бился с Полуночниками наравне с богатырями.

– Меня зовут Шустр, – молвил див, задвигая Иваша за свою маленькую спину и продолжая теревить рукояти мечей. – Слышал о таком?

– А должен был? – Листок улыбнулся, стараясь вывести противника из себя.

– Я известен на все шесть княжеств. Моё мастерство мечника...

– Твоё самомнение известно на все шесть княжеств, – усмехнулся Листок. – Верни книгу, и добровольно идём со мной. Коли объяснишь свой интерес, быть может, мы тебя отпустим.

– А что, и объясню, – проговорил Шустр.

Листок замер, как часто с ним случалось – пора показать все первому библиотекарю. В такие моменты зрачки писаря расширяются, а потом медленно принимают обычный размер. Перед глазами на мгновение все плывёт, в дальнем уголке разума отворяется неприметная дверка, и в голове появляются мысли, думанные не им – после этого первый библиотекарь Харитон может глядеть глазами Листка, может напрямую внушать ему мысли, а если надобно – даже говорить его ртом. Всегда, но не теперь. Листок тряхнул головой – что за чертовщина? Шустр расхохотался.

– Не выходит связаться с хозяином? Можешь не стараться, на меня ваши фокусы не действуют.

Он прикоснулся к золотой цепи на шее. Из-за ворота кафтана показался медальон – золотая четырёхпалая лапа, сжимающая большой чёрный камень.

– Харитон – не хозяин. Мы все служим Руси, – сказал Листок, не сводя глаз с камня. Лихорадочно соображал что делать: «Харитон велел забрать книгу и задержать Иваша. Смогу ли я одновременно вернуть и книгу, и человека?» – Что это у тебя на цепочке? – спросил, чтобы потянуть время.

– Твоя гибель!

Стрекозиные мечи выскочили из ножен и закружились с бешеной скоростью. Иваш сжался и схоронился в дальний угол полуразрушенного терема.

Хлоп! Раздался негромкий хлопок, и писарь сразу сделался выше. Чуб и полы кафтана невесомо поплыли по воздуху.

– Осторожнее, – воскликнул Иваш. – Он владеет рваным скоком.

Листок презрительно скривился. Не успел сбежать, а уже выдаёт секреты противнику. Гнилой человек.

Движения богатыря и правда сделались рваными, словно наблюдатель быстро-быстро моргал. Шустр на это только злобно оскалился.

Противники столкнулись в воздухе.

Листок перевёл разум в состояние рваного скока, и мир застыл. Замерли, склонившиеся на ветру ветви, в камень обратился разинувший рот Иваш. Над землёй завис Шустр, он вкручивался в воздух, как стрела с винтовым наконечником, только вместо наконечника два меча.

Время скакнуло. Шелохнулись и замерли ветви, шире разинулся рот Иваша, стремительно крутанулся див.

Рывок-замедление, рывок-замедление – вот что такое рваный скок. В момент очередного ускорения Листок сделал первый шаг, Шустр за это время совершил полный оборот и значительно приблизился. Писарь оценил ситуацию и в следующее ускорение сделал ещё один шаг, но в сторону. Див продолжал вращение.

«Рваный Скок – это как решение головоломки, – Листок дословно помнил объяснения Харитона. – Мысль всегда быстрее тела. Ты останавливаешь время, осматриваешься, принимаешь решение и отдаёшь сигнал телу. В следующий миг тело его отрабатывает. И так много раз, пока хватает сил. Такой рваный ритм позволяет не делать лишних движений и опередить любого, даже самого быстрого бойца».

Стрекозиные мечи Шуэтра совсем близко. Листок оценил траекторию одного и дал сигнал чуть отклонить голову, прикинул траекторию другого и приказал руке двинуться в том направлении.

Шух! Скачок времени, лезвие прошмыгнуло на волосок от глаза, рукой чуть подтолкнул ладонь, держащую второй меч – этого было достаточно, чтобы вращение дива пошло вразнос.

Во время замедления оценил новое направление перемещения противника – Шуэтр сориентировался мгновенно: начал группироваться, чтобы приземлиться на обе ноги и одновременно атаковать.

«А он хорош! Так быстро среагировать на удар! Этот див и правда чудовищно быстр...»

Убедившись, что мечи не коснутся его, Листок лягнул все ещё летящего противника и вернул времени обычный ход.

Шух, дзинь, бах! Шуэтра резко отбросило в сторону, прямо в кучу разваленных брёвен терема.

– Книгу я забираю, – сказал писарь, поднимая брошенный дивом фолиант.

– Ха-ха-ха! – Шуэтр поднялся как ни в чём не бывало. Мечи держал чуть опущенными, сам подрагивал, готовый сорваться для нового удара. – Понимаю, почему Харитон прислал тебя. Рваный скок – лучшее, что может противопоставить мне богатырь.

Он кинулся вперёд, на сей раз не пытаясь вращаться. Жих-жих! Мечи ударили, как большие ножницы. Листок подскочил, поджав ноги. В полете опустил одну ступню прямо на перекрещенные мечи, второй ударил в грудь дива. Того снесло, как тараном, Шуэтр прочертил во влажном дёрне косую полосу и замер, скрестив мечи. Листок кувыркнулся назад и встал на обе ноги.

– Рваный Скок неплох, но я слышал, даже самый умелый мастер не продержится дольше пяти минут. Насколько умел ты, Листок?

– Тебе хватит, – ухмыльнулся писарь и ринулся в атаку.

Шуэтр закрутил мечами – скорость была огромна, даже в момент замедления клинки перемещались пугающе быстро. Писарь не рискнул приблизиться, но и маленький мечник не умел его достать.

– Я ничего не смогу с тобой сделать, – оскалился див. – Мне остаётся только дожить до того времени, когда ты выдохнешься.

Какое-то время они кружили друг против друга, попеременно делая стремительные выпады. Листок ощущал тяжёлый груз усталости, которая постепенно ложилась на плечи. Не лучше выглядел и Шуэтр.

– В ваших интересах отпустить меня и этого человека, – пыхтя, сказал див. – Ведь я собираюсь поквитаться с Виём, а вам этого и надобно.

Листок едва удержал смех.

– Ты держишь меня за дурака? Каким образом жалкий див и богатырь, лишившийся силы, могут победить одного из самых сильных одержимников? Скорее, ты попросишься под его начало, учитывая твою манию...

– Как мы его победим – не ваше дело, – оборвал его див. – Главное то, что наши намерения серьёзны.

– Зачем вам это?

– Если бы Харитон был здесь, – Шуэтр рассмеялся смехом, полным горечи, – он рассказал бы тебе о том, как однажды Вий шёл через нашу деревню и погубил всю мою семью. Меня не было рядом, иначе этого бы не случилось.

Маленький кулак сжал тёмный камень на шнурке.

– Месть не даёт тебе права брать наши вещи и освобождать наших пленников.

– Зато это право даёт сила.

Шустр скакнул вперёд и ударил. Мечи шли очень коварно: один вниз – подсекая лодыжки, второй вверх – смахивая голову. Вновь мир замедлился. Листок изогнулся, уходя из-под верхнего удара, одновременно подпрыгивая, уводя ноги из опасной зоны. В следующее замедление он висел вдоль земли меж двух мечей. И тут он увидел тень ухмылки на застывшем лице дива. Полсекунды. У него есть целая половина секунды, чтобы угадать движение и принять решение.

Рывок. Запястья Шуистра резко извернулись, жилы вздулись, мышцы едва не лопались от нечеловеческой нагрузки. С невообразимой скоростью он прервал горизонтальные удары и перевёл их в удары поперёк туловища Листка.

Замедление. Писарь висит, не касаясь земли. Один меч падает прямо на переносицу, второй снизу подсекает ноги. Ухмылка дива стала шире.

Как он может настолько быстро двигаться?! Человеческое тело просто не могло выдерживать таких нагрузок!

Рывок. Вшух! Мечи лязгнули, как огромные ножницы. Листка прокрутило между ними, и он неловко грохнулся оземь. Бах! Столб пыли.

Иваш испуганно прижался к плесневелой стене, одновременно вытягивая шею. Кто победил? Богатырь или спаситель?

Пыль немного осела. Листок с трудом приподнялся с земли. Грудь часто вздымалась, лёгкие пытались разломать клетку рёбер. Сердце стучало, как горошина в погремушке на ураганном ветру. Шустр замер напротив. Мечи уткнулись в землю, словно каждый весит десяток пудов. Из уголков губ торят дорожки две тёмные струйки крови.

– Как ты смог?!.. – отдуваясь, проговорил див. – Ещё никто...

Листок постарался унять бешено скачущее сердце. Если это не сделать – расшибётся о ребра в кровавую пыль. По жилам гулял страх – был на волосок от гибели. В последний момент сообразил подогнуть ноги и встретить нижний меч каблуками, подкованными гвоздиками. Лезвие, несущееся к переносице, остановил перстнем. Закачал в него половину земной тяги, иначе пальцы разлетелись бы кровавым веером, а потом и переносица.

Это забрало последние силы, но, похоже, такие выкрутасы и Шустру дались с большим трудом.

Кха-кха-кха! Дыхание рвалось из горла, больше похожее на кашель.

– Все идёт к тому, что тебе придётся выбирать, – пропыхтел Шустр, даже не пытаясь двинуться. – Либо ты берёшь Иваша и оставляешь книгу. Либо наоборот.

Иваш вздрогнул и отступил назад. Листок поглядел на него. Писаря шатало и мыкало. Ни о каком рваном скоке речь уже не шла. Но Иваша оглушить и унести он ещё сумеет.

– Что ты выберешь? – спросил Шустр, поднимая мечи. Листок не верил своим глазам. Неужели он готовит новую атаку?! Откуда в нем столько силы?!

Прислушался к себе. Где же Харитон? Чувствовал себя одиноким и потерянным. Как же сейчас не хватает его мудрого руководства.

– И решать тебе придётся самому, – див коснулся камня на цепочке.

– Я заберу это, – сказал Листок, разжал кулаки и направился к книге.

Шустр опустил мечи и пошатнулся. «Так я и думал, – у Листка отлегло от сердца, – держится только на силе воли». Иваш напряжённо глядел на писаря. Не обманет ли? Может, это хитрость?

Листок тяжело поднял книгу и отступил, не спуская глаз с дива и бывшего богатыря.

– Договорились, – сказал Шустр, прикрывая глаза.

Он словно бы потерял всякий интерес к писарю. Листок с трудом превозмог искушение напасть. Эта беспечность ложна – каждое мгновение неподвижности возвращало Шустру силы. Дивы умеют брать их прямо из природы, а природы вокруг предостаточно.

Не думая больше об атаке, рванул подальше от терема. Див не преследовал – устало оперевшись на мечи, пытался восстановить дыхание.

***

Харитон появился, когда Листок выбрался на Новгородский тракт. В его голосе сквозила тревога.

– Листок?! Где ты был?

– У Шустра странный амулет. – Писарь сосредоточился. Зрачки его расширились и приняли обычный размер, Харитон в своей библиотеке увидел образ тёмного камня на цепочке. – Он блокировал палаты ума.

– Даже так, – Харитон помолчал. – Я слышал о таком, но не верил. Это даёт интересные возможности. Книга у тебя?

– Да. Я оставил ему Иваша. Он замедлит Шустра, даже гридни сумеют догнать. Хотя я бы им не советовал...

– Это уже не наша забота. Жуков посадил?

– Обижаете. И на Шустра, и на Иваша. Хотя вряд ли последний понадобится, коли за ними пошлют богатырей...

Листок остановился и сделал пару глубоких вдохов. Силы быстро восстанавливались. Пожалуй, сейчас мог бы затеять ещё один раунд рваного скака.

– Добро. Ты принял верное решение, – первый библиотекарь помолчал, размышляя. – Готовься отправиться в путь. Твоя задача – узнать, кому служит Шустр.

Листок задумался.

– Да. Это и правда – вопрос. А что с этим странным амулетом?

– На амулет не отвлекайся. Это слишком опасно. Им займутся другие.

Листок ощутил лёгкую ревность. Другие? Кто это – другие? Среди писарей он лучший, разве не правильно послать лучшего, чтобы разгадать самую опасную тайну?

Отогнал крамольные мысли, не давая им обосноваться в голове. Харитону видней – у него полная картина происходящего.

Первый библиотекарь помедлил, словно ждал, пока Листок закончит с сомнениями, потом продолжил:

– Неси книгу в библиотеку, потом пойдёшь от моего имени с докладом к князю. После этого отправишься в погоню.

– Вы считаете, что гридни и богатыри их не догонят?

– Иваша они вернут, но вот Шустр наверняка ускользнёт. По крайней мере я в нем разочаруюсь, коли он позволит себя поймать...

Мгновение единения прошло, Листок почувствовал беспокойство своего наставника. Странно. Вроде бы все под контролем, о чем можно беспокоиться? Не похоже на Харитона...

Листок зябко передёрнул плечами. Страшно вообразить силу, способную внушить страх Харитону. Лучше о таком даже не думать.

Писарь глянул на книгу. Белый череп скалился на него с обложки, сверкая семёркой жутких глаз.

***

– Ушёл? – недоверчиво воскликнул Иваш. – Я уж думал все, возвращаться мне в вонючий острог.

Шустр положил руку на камень, висевший на груди, и сразу оживился, словно кто-то невидимый влил в него силу.

– У нас мало времени. Он ушёл, потому что считает книгу ценнее тебя.

– А разве не так? Я никогда не забуду того ощущения мощи, которое посетило меня после того, как я заключил контракт с демоном Ярости. Я помню знак Силы. Он словно выжжен в моей памяти нестираемым клеймом. Я перебрал три знака до него, но только Ярость отозва-

лась во мне особым чувством... – Бывший богатырь задрожал от вожделения. Див глядел на него со странной насмешкой, Иваш поймал его взгляд и побледнел. – Я не то хотел сказать, – подобострастно зачастил он. – Я буду полезен. Я докажу нужность...

– В обычных условиях ты только задержал бы меня, – перебил его див. – Богатыри слишком быстры, а уж простого человека они поймают – не успеешь сказать «мама».

Губы Иваша задрожали, лицо побледнело:

– Нет. Я не вернусь назад. Я хочу снова познать мощь демонов. Пожалуйста!

– Да не скули ты, – прикрикнул Шустр. – Ты мне нужен. Поэтому я не брошу тебя.

С неприятной улыбкой див сжал в кулаке тёмный камень.

– Жупа. Ко мне.

Кусты затрещали и раздвинулись. Иваш взгляделся во тьму. Лицо его исказил ужас, он отпрянул и с размаху сел на зад.

– Что это?!

Он отталкивался руками и ногами, отползая от кустов. А прямо на него выступила крупная ушастая тварь размером с небольшого волка, со свалывшейся шерстью, торчащей неопрятными клочками. Существо передвигалось на длинных задних лапах, перебирая короткими передними. Длинные мохнатые уши были порваны в нескольких местах, но сомнений не оставляли.

– Заяц? – пролепетал Иваш.

– Заяц-заяц, – ухмыльнулся Шустр. – Одержимый заяц из Запредельного леса. Знаешь, каких хлопот мне стоило доставить его сюда и проследить, чтобы он никого не сожрал?

– Гы-ры!

Издав полурыв-полусвист, заяц оттолкнулся задними лапами и совершил молниеносный прыжок, буквально пригвоздив бедного Иваша к земле. Широкая, совсем не заячья пасть распахнулась, явив тонкие, как иглы, зубы.

– Гы-ра! Гы-ра!

Иваш тонко заверещал.

– Что он задумал! Нет! Шустр, сделай что-нибудь!

– Расслабься и не мешай животине делать дело, – сказал Шустр, склонившись и с любопытством наблюдая за происходящим. – Простой человек задержал бы меня. Одержимый же побежит быстрее ветра...

Чудовищная морда заслонила весь мир, глаза бывшего богатыря закатились, и он провалился в благодатную пустоту забытья.

Сказ 3 – Вершина ПУСТОГО холма, где НИЧЕГО НЕТ

Они покинули кремль через восточные Тимофеевские ворота. Толстенные дубовые створки были распахнуты, по обе стороны дороги ждало целое море людей.

Стража, среди которой Любимка с радостью заметил Гришку-жердину, торжественно отсалютовала копиями. Следом за Стояном тягатели один за другим покинули московский кремль.

– Эгей! Я вернусь богатырём! – завопил Любимка и почти сразу увидел рыжие волосы и вострое личико – Лиска, девчонка из приюта, махала платочком, забравшись на один из придорожных столбов. Отрок счастливо рассмеялся. – Передавай привет нашим!

Остальные тягатели тоже что-то кричали и махали зевакам. Даже нелюдимый Неклюд, даже всегда скромная Настенька – все поддались этому волшебному чувству предвкушения чего-то большого и значимого.

– Ровнее шаг! Песню запе-вай! – командовал Стоян.

И они запевали. Ещё и ещё.

Восточная часть Москвы, что начиналась сразу за кремлёвскими стенами, звалась Китай-городом. Улицы здесь широкие, дома богатые. По случаю отбытия тягателей люда собралось видимо-невидимо. Все переулки по обе стороны от главной улицы переполнены, с ближайших крыш и деревьев гроздьями свисали мальчишки.

Любимка шагал, чувствуя слева локоть Ярополка, справа – холодную ладошку Настеньки, которая от страха ухватила его за рукав. Спереди торчал похожий на тыкву затылок Наума.

Орал во все горло песню и чувствовал небывалый подъем гордости: за себя, за других, за школу богатырей и за всю Русь.

Как там гутарил княже? Все мы тягатели, и неважно из какого мы княжества – богатырская стезя объединит нас, и что бы ни случилось – Русь едина. В тот момент готов был побрататься даже с Ярополком.

Подобные чувства испытывали и остальные тягатели. Остап больше не сторонился Наума, Клоп и Неждан весело хохотали с Димитрием, а тот, что совсем чудно, дурачился в ответ почище Клопа, позабыв о своём княжеском достоинстве. Лексий отбросил свою извечную брезгливость и хвастал Сойке, как тряхнёт этот мир и возродит былое величие богатырей. Все они были полны надежд и светлых предчувствий. Огромный, полный возможностей мир развернулся перед ними, как разноцветный яркий ковёр. Все их мечты готовы были сбыться, все чаяния осуществиться, а все надежды оправдаться. И не было в тот момент в шести княжествах людей более счастливых, нежели молодые тягатели школы богатырей.

Китай-город мелькнул и пропал, как во сне. Дорога выметнулась на простор, оставляя позади малые деревянные стены. Толпы зевак выплеснулись из города следом за тягателями. Казалось, их стало ещё больше, ибо здесь к горожанам присоединились жители ближайших сел: девушки бросали цветы, мужчины поддерживали тягателей криками и свистом, мальчишки бодро маршировали следом.

Процессию возглавлял первый наставник – Стоян: простая кольчуга, небольшая сума, за спиной – меч в потёртых ножнах, и кинжал на кожаном поясе – вот и все, что наставник взял с собой в дальний путь. Пшеничные волосы удерживал кожаный ремешок. Тягатели тоже шагали налегке. Им разрешили взять только самое необходимое и не занимающее много места. Исключением был мешок с травами Настеньки, который размерами не уступал самой девушке, да походные гусли Матфея.

Когда продвинулись по Восточному тракту на версту, народу стало поменьше: сперва пропали девицы, потом праздные парни, последними отстали ребяташки. Наконец, тягатели смогли вздохнуть спокойно.

Спустя ещё полчаса закончились обширные поля, отряд подошёл к лесу.

– Неужель тот самый! – встрепенулся Любимка. – Запредельнай!

– Сам ты запредельнай! – хохотнул Ярополк. – Дурачок!

Лес и правда оказался обычным, обжитым и ухоженным: ели стояли реденько, дорога была плотная и удобная, подлеска почти нет.

– Объясняю первый и последний раз, – сказал наставник, – наше предприятие состоит из трёх частей, по нарастающей сложности. Первая часть – путь от Москвы и до Мокеевки. Это обыкновенные княжеские земли. Здесь безопасные и удобные дороги, даже в лесах вы не встретите никого страшнее обыкновенного волка.

Любимка скорчил кислую физиономию:

– Когда же начнутся опасности?!

– Следующий этап – от Мокеевки до места проведения испытания. Это уже земли Запределья, и там появляется риск потерять самых нерасторопных.

– А нельзя туда перенестись как бы по волшебству? – не смолкал Любим.

– Третий этап – это само испытание. Тут уж, как говорится, выживет сильнейший.

– Да! – Любимка замер, вскинув кулак.

– Да заткнись уже, – Сойка раздражённо сдула чёлку, павшую на глаза. – Бесишь!

– Нет, перенестись по волшебству мы не можем, поэтому станем использовать первую самую безопасную часть пути для обучения. Следуем за мной.

Стоян двинулся дальше по тропе. Тягатели растянулись на добрые полверсты. Своды леса то заполнялись громким хохотом Лексия и Сойки, то бодрым татаканьем Клопа. Жизнерадостное верещание Любимки не смолкало ни на минуту.

Остап быстро заскучал и начал озираться.

– День не день, коли не выдалось доброй драки, – заявил он громко.

Наум, шагавший поблизости, шарахнулся в сторону. Так резко, что едва не врезался в ель. Но лихой казак глядел не на толстоватого паренька, взгляд его остановился на Ярополке.

– Мы не закончили, москаль!

Бац! Сын воеводы клюнул породистым носом прямо в ближайший пенёк.

– Чего творишь?! Ополоумел?! – взвился он и залепил ответную затрепину.

С громким хохотом казак отбил удар и ответил мощным подкатом. Они сцепились, мутузя друг друга.

– Ёшки-матрёшки! Меня возьмите, меня! – запрыгал рядом Любимка.

Увы, любая его попытка втиснуться между драчунами заканчивалась полётом и жёстким приземлением.

– Да что же меня выкидывает?! – горячился отрок.

Бах! В стороны брызнула лесная пыль. Оба забияки распластались по земле. Между ними возник Стоян: ноги широко расставлены, руки в стороны, кулаки сжаты.

– Отставить безобразия! Поединки только с разрешения наставника.

Ближе к полудню погода начала хмуриться. Вскоре с запада их нагнали тяжёлые тучи, которые стали красться по небу, сверкая беззвучными молниями.

Любимка заметил, как озабоченно оглядывается дядька Стоян. Ещё через какое-то время он что-то шепнул Глиняшке. Глиняное чучелко поджало ножки и – пух! – исчезло. Не прошло и минуты, как любимец вернулся и что-то зашептал на ухо хозяину.

– Так и знал, – громко сказал Стоян. Поймав взгляд пробежавшего рядом Любимки, пояснил. – Это из-за Несмеяны тучи. Олег меня предупредил. В девице столько силищи, что она не всегда может с ней управиться. Надобно её отвлечь от мрачных мыслей, иначе все может закончиться большим катаклизмом.

Отрок опасливо оглянулся – хорошо помнил, как Несмеяна перепутала дверь и вошла в горницу парней в момент, когда Ярополк сцепился с Остапом. Её настроение резко испортилось, после чего тягательский терем едва не пришлось собирать по брёвнышку.

– Этак дело не пойдёт, – Стоян похрустел бородой и оглянулся на тягателей. – Кто у нас с девицами обходителен?

На призыв вскинули взгляд три человека. Остап, Матфей и Любимка. Последний, впрочем, тут же покраснел и глаза опустил.

– Матфей, ты способен развеселить девицу весёлой песней?

Парень в нарядном кафтане сдвинул походные гусли перед собой.

– Конечно, наставник. Я – лучший певец по всей новгородской земле.

– А сделать это за так сможешь? То есть даром?

Взгляд новгородского тягателя поскущнел.

– А что мне за то будет? – растягивая слова, спросил он.

– Не вымокнешь, – сказал Стоян, глянув на напозающие тучи.

– Так ведь и они не вымокнут, – Матвей обвёл тягателей театральным взмахом. – Только я потружусь и не промокну, а они просто так не намокнут.

– Мир жесток... – начал наставник.

– И промокнуть в нем запросто, – отрезал Матфей и отвернулся.

– Ха-ха! Вот скупердяй! – К потерявшему дар речи наставнику подскочил Остап: массивная золотая серьга жизнеутверждающе сияла в лучах солнца, которое еще не успели проглотить Несмеянины тучи. Алый плат, повязанный узлом назад, скрывал оселедец. – Несмеяну веселить пойду я. Ведь она станет моей женой, – казак расхохотался, довольный собой.

– Та-та-та! – Тягатель в клетчатом скоморошьем одеянии уже давно прислушивался к разговору. В руках парня появились разноцветные шарики, он принялся ими жонглировать.

– Говорит, он лучше развеселит. – Неждан, как всегда, крутился рядом с немым другом и готов был пояснить его трели.

Остап так и подпрыгнул от неожиданности.

– Сколько раз тебе говорить – не подкрадывайся, – завопил и осёкся. – Чего это он пойдёт?! Я пойду!

– Та-та-та! – Клоп один за другим начал кидать шарики казаку.

– Говорит, пробуй, – толмачил маленький тягатель.

Остап машинально поймал несколько шариков и даже начал жонглировать, но Клоп все подбавлял и подбавлял. Когда казак больше ни о чем не мог думать, кроме мелькающих шариков, Клоп развернулся и отправился в лес, туда, где брела Несмеяна.

Любимка видел, как скомороший тягатель пристроился рядом с печальной девушкой. Пару раз татакнул и прямо из воздуха достал маленький цветок. Девушка перестала хмурить брови, в лесу заметно посветлело.

Остап разом разронял все шарики.

– А ну стой! Я тебя сейчас!

Шлёп! Широкая ладонь богатыря остановила тягателя вначале разгона.

– Отставить «ятебьясас»! Парень справляется, поэтому не мешай, – он оглянулся на Матфея. – А с тебя новые шарики для Клопа. За то, что не вымок.

– Эй! А что с остальных?

– Остальные могут заплатить Клопу большим человеческим «спасибо».

Они продолжали углубляться в московские земли. Вокруг дороги снова потянулись поля, перемежаемые рощами и лесами. Пару раз миновали небольшие реки по крепким дощатым мостам.

Любимка бодро топал вместе со всеми. Пел песни, скалил зубы, шутил и отбивался от шуток. В полдень они добрались до холма, поросшего бурьяном.

– Остановимся на вершине этого ПУСТОГО холма, – громко произнёс Стоян.

Любимка удивлённо вскинул голову: холм гладкий, как весеннее поле, ничегошеньки на нем нет – зачем об этом кричать? Лишь над самой макушкой немного воздух плывёт, словно над пламенем костра.

Они неспешно поднялись наверх. Ветер приятно охлаждал разгорячённое лицо.

– Привал на самой вершине, – сказал наставник. – Где НИЧЕГО НЕТ!

Любимка хотел подойти к тому месту, где уловил дрожь воздуха, но с вершины открывался такой замечательный вид, что позабыл обо всем: поля и луга перемежались темными языками лесов, над всем этим застыло пронзительно голубое небо с причудливыми завитушками облаков.

– Перерыв на обед! – гаркнул Стоян.

Конопат так и подскочил, едва не роняя слюнки.

– Кушать-кушать-кушать, – без перерыва бормотал здоровяк. Остальные тоже оживились.

– Ёшки-матрёшки. Что ж мы станем есть? – Любимка огляделся по сторонам.

Вершина холма была пустынна и уныла. Три склона пологие, поросшие травой, четвёртый – крут и неприятен на вид, хотя при должной сноровке без труда можно спуститься и там.

Снуф! Снуф! Конопат громко втянул носом воздух.

– Блины-ы! – сказал он и пошёл вперёд, вытянув перед собой руки. Все глядели недоуменно, Стоян чуть в сторонке улыбался. Лексий стоял поодаль и хмурился.

– Что за...

Он вдруг расхохотался и показал наставнику большой палец.

– Вот она – мара богатырская! Слышал, но не верил!

Любимка перестал смеяться и до рези в глазах вгляделся в место, где дрожал воздух. И тут в глазах будто прояснилось: на самой макушке холма их ждало большое неровно стёсанное бревно. На нем, как на столе, стояли десять больших блюд с блинами, несколько крынок с молоком и пара глиняных пиал с ягодами в сметане.

– М-м! Вкуснотища! – Конопат бросился к блинам.

– Как такое может быть?! Не понимаю, – раздавалось со всех сторон.

– Я предпочитаю название – богатырский морок, – сказал Стоян, улыбаясь.

– Мечи-калачи! Морок! Настоящий! А как он действует?!

– Как действует? Очень просто. – Стоян поднял указательный палец и постучал себя по голове чуть выше виска: – Вот здесь у каждого человека есть точка, на которую можно подействовать с помощью земной тяги. Это повышает его внушаемость. Если ГРОМКО И ЧЕТКО произнести то, что тебе нужно, человек будет видеть то, что вы ему внушаете.

– Как это?

– Так просто?!

– Не верим!

Тягатели недоверчиво глядели на него.

– КУДА ИСЧЕЗ ЛЕКСИЙ? – раздался голос.

– И правда? – оглянулась Сойка. – Только что был тут.

– Пропал!

– Исчез!

– Ого!

– А-а-а-а! – Любимка расплылся в улыбке и прищурился. – Ага!

Он запрыгал от радости. Лексий стоял там же, где и был.

– Нашёл! Нашёл!

– Молодец.

Любимка не совсем понял, кого Стоян хвалит: то ли Лексия за то, что он быстро понял, как исчезать, то ли Любима за то, что он не менее скоро его отыскал.

Когда отобедали, Стоян молвил:

– Добро. Подкрепились, передохнули и хватит. Хорошего помаленьку.

– Что это значит? – насторожился Димитрий.

– Это значит, что я вас покидаю, – ответил наставник. – Кто сумеет отыскать меня, тот молодец. Кто не сумеет – пеняйте на себя. Можете спокойно вернуться домой и заниматься другими делами. Считайте, что вы больше не тягатели.

– Эй! Как это?.. – начал Любимка.

Пуф! Пыль закружилась на том месте, где только что стоял богатырь.

– Мечи-калачи! Вот это скорость! – разинул рот отрок. На сей раз у него не было ни одной мысли, в каком направлении сорвался наставник.

– Дурень! – Ярополк метался вокруг, словно курица, пытающаяся взлететь. – Своим скудным умишком понять не можешь, что это уже испытание! Куда?! Куда он делся?!

Он поглядел на Остапа с Димитрием.

– Ныне наставник с нами не цацкался. В полную силу исчез, – с уважением проговорил Остап. – Даже у нас в Сечи никто так не умеет.

Димитрий растерял всю свою самоуверенность, на причитания Ярополка лишь досадливо дёрнул плечом.

Ошарашенным выглядел даже Лексий. Любимка вспомнил случай, когда группа северных тягателей впервые появилась в школе. Стоян устроил поединок, и калика Дыня одним мизинчиком отправил Лексия прямиком в забор. А ведь парень уже считал себя готовым богатырём. Теперь настала очередь Стояна доказать, что и у него уровень богатырского мастерства огого какой.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Лексий. – Экой он нас приложил, не хуже чем Дыня. Хороши богатыри московские, не зря на учёбу пришёл...

Он озирался по сторонам, но, похоже, ничего подозрительного не примечал.

– Чего он приложил-то? – удивился Любимка. – Дядька Стоян сбежал, а никого не бил.

– Мы стоим на открытом холме, – принялся объяснять Наум. – Отсюда далеко видать. Трава и пыль кругом. Погляди, вон следы наши, как на ладони.

Любимка поглядел.

– Да. Точно.

– Одно дело сбежать в лесу. Отвлёк внимание и скакнул в кусты. А ты попробуй скрыться здесь, на вершине холма, который просматривается на многие поприща вокруг...

– И ведь не следа – я проверял, – как всегда за спиной и как всегда неожиданно объявился Неждан. В голосе маленького тягателя мешались зависть и восхищение.

– Та-та-та, – поддержал его Клоп.

– Ха. Ты прав. Нам до него, как сыру до луны.

Тягатели кружили по макушке холма.

– Что делать станем? – громко сказал Шестерён. – Не пойдём же по домам, как велено. Хотя, может, я и хотел бы вернуться в Тулу. Там тепло и уютно...

– Чего тогда притопал в такую даль? – огрызнулся Ярополк. – Сидел бы себе... в тепле!

Шестерён приосанился, отчего схожесть с кузнечиком только усилилась. Разве что теперь это был очень гордый и напыщенный кузнечик.

– Данило Мастер возложил на меня важную миссию. Я не могу его подвести.

Ярополк фыркнул и отступил к Остапу и Димитрию.

Шестерён отвернулся и повторил:

– Чего делать станем? Я вашего Стояна седмицу назад впервые узрел. Ничего про него не знаю. Какие у него достоинства, чем знаменит?

– Жди подвоха, – сказал Любим.

Шестерён повернулся к нему и приподнял левую бровь.

– У дядьки Стояна прозвище – Жди подвоха. Постоянно что-то этакое выкинет.

– Но ведь до сих пор из тягателей никто не вылетел, – подала голос Сойка. – Даже этот рохлик.

Она кивнула на Наума, и толстоватый парень с укоризной посмотрел на нее.

– Не обижай Наума! Он ещё всем покажет! – набросился на синеволоску Любимка.

Девушка не удостоила его внимания.

– Наставник никогда не пытался нас выгнать, – тихо сказал Наум. – Он старается нас научить.

Пока они препирались, Настенька внимательно осматривалась по сторонам. Любимка наблюдал, как девушка присела на том месте, где стоял Стоян. Маленькая ладошка зачерпнула пыль, растёрла и поднесла к носу.

– Ёшки-матрёшки! Наська же следопыт у нас. Видишь что-нибудь?

Маленькая девушка испуганно дёрнулась и покраснела. Она не привыкла находиться в центре внимания, потому так испугалась, что не могла произнести ни слова.

– Я... Я...

– Видим мы, какой она следопыт. Такая же неумеха, как ты, – съязвил Ярополк.

– Тебя вообще никто не спрашивал! Отказался с нами загадку решать, вот и сиди со своими бла-агородными, – накинулся на него Любимка. – Ты говори смело, Настя. Тут все свои. Он заслонил девушку от скрипящего зубами Ярополка.

– Здесь он стоял, – травница положила руку на землю. – Здесь он пришёл, – она указала пальцами. – Дальше же будто растворился.

– Про Болтю тоже говорили, что следопыт, – напомнил Любимка.

Все поглядели на болотника.

Тот, как и Настенька, не любил излишнее внимание к собственной персоне, но, в отличие от Настеньки, не смущался, а злобно щелкал зубами.

Клац-клац-клац!

– Хорош шуку казать, – Шестерён бесстрашно подошёл к болотнику и присел, чтобы удобнее было заглянуть ему в глаза. – Ты дело говори. Видишь след наставника?

Любимка хихикнул. Встретились как-то зубастая жаба и гигантский кузнечик, и не сразу определили, кто голоднее... Тьфу! Надо загадку дядьки Стояна решать, а не анекдоты выдумывать.

Клац-клац – помотал головой Болтя.

– Будем считать, что не видишь, – поднялся Шестерён.

– Может, он скакнул подальше? – сказал Неждан. – Сиганул через весь холм, а мы тут ищи!

Любимка тут же повернулся к Лексию.

– Лексий, сын Алёши. Ты один у нас готовый богатырь. Как далеко можно прыгнуть, земную тягу пользуя?

Сына богатыря общее внимание не смущало, скорее, наоборот – оно уже наскучило сыну богатыря.

– Скакнуть-то далече можно, – молвил он, прищурившись и оглядывая окрестности. – Только вот чем дальше прыжок, тем громче приземление. Это либо столб пыли, а то и вовсе вывернутая земля.

Любимка вспомнил потешный поединок Стояна с каликой Олегом и кивнул.

– Да. Землю они хорошо ворочают. Ровно из-под плуга летит.

Все принялись озираться. Холм был небольшой, но окрестности очень хорошо просматривались во все стороны. И нигде не было ничего похожего на поднявшуюся пыль либо свежевзрытую землю.

– Я слышал, земную тягу можно вверх поднять и чуть ли ни летать, – дал голос Остап.

– Да! Точно! – запрыгал от возбуждения Любимка. – Полет! Всегда интересно было!

– Это можно, – небрежно согласился Лексий, – но тогда бы мы его точно заметили. Нельзя развить скорость недоступную глазу, коли летишь ввысь. Мы упускаем что-то важное...

– Ёшки-матрёшки! Что-то важное! Это как головоломка у ярморочных умельцев! Вот здорово!

– Я знаю! – вдруг закричал Остап. – Ха-ха-ха! Это же так просто!

Все поглядели на него. Казак уверенным шагом прошествовал к склону, по которому они поднимались. Остап пристально вглядывался в траву.

– Очень может быть, – проговорил Димитрий и двинулся следом.

Любимка вопросительно поглядел на Наума. Тот, волнуясь, объяснил.

– С той стороны мы все пришли и сильно натоптали. Чтобы уйти и не оставить следов – это наилучшее направление...

Ярополк слушал, наострив уши.

– Я найду его первым, – улынулся Лексий.

Пуф! Сын богатыря исчез. Не так быстро, как Стоян – Любимка успел приметить метнувшуюся тень. Да и пыль взметнулась.

– Мечи-калачи! Я тоже найду! Тоже первый!

Он со всех ног кинулся вперёд, но под ноги что-то подвернулось.

Клац-клац-клац! Очень знакомый звук. Любимка начал падать, выставил руки и замер в неприглядной позе – зад выше головы.

– Уф! Едва не упал. Болтя! Получишь у меня!

– Не бывать тебе первым, – насмешливый голос Ярополка. В поднятый зад врезалось что-то твёрдое, и Любимка кувыркнулся вниз с крутого склона.

– Ну! – хлоп! – По! – бац! – Го! – плюх! – Ди!

Он кувыркался и никак не мог остановиться, хватая полные горсти травы и грязи. Издательский смех затих вдали.

– Ну, погоди у меня! – закричал Любимка, вскочив. От обиды не чувствовал боли, прыгал, потрясая кулаком. – Ужо я тебе...

Он застыл с раскрытым ртом. Прямо перед ним в земляной нише под выступающим каменным козырьком расположился Стоян. В одной руке бурдюк, в другой большой – ломоть хлеба, накрытый огромным куском сала. Наставник как раз собирался откусить, да так и замер с разинутым ртом.

Сверху козырёк порос травой и мхом, разглядеть, что здесь есть что-то, кроме кручи склона, сверху практически невозможно.

– ...задам, – закончил отрок. Стоян приложил палец к губам, подмигнул и отхватил от булки здоровенный кусок.

Сказ 4 – Новый хозяин Шустра

Варвара вошла во мрак библиотеки, словно нырнула в омут в безлунную ночь. Нет, один источник света здесь-таки был – крохотная свеча, которая, скорее, сгущала мрак, нежели разгоняла его.

– Отец? – Девушка взгляделась в темноту. – Ты звал меня... – Она едва не натолкнулась в темноте на неподвижную фигуру с длинной темной бородой. – Хм, ты приглашаешь меня в палаты?

Такого не случалось с того самого времени, как Харитон показал ей свои жуткие зелёные глаза без надвинутых на них темных стекляшек. Она повернулась к свече и уставилась на пламя. Сперва ничего не происходило, потом огонёк дрогнул и медленно двинулся. Все скорее он начал вычерчивать символ положенных на бок песочных часов – символ бесконечности и безвременья. Символ палат ума второго уровня.

Бах! Каблуки её сапожек стукнулись о прочный деревянный пол. Вокруг – бесконечные бревенчатые стены, вверху – глухой потолок из свежих гладких досок, нет ни окон, ни дверей – палаты ума Харитона. Хозяин тоже здесь – развалился в огромном кожаном кресле, разве что ногу через подлокотник не перекинул. Варвара едва не хихикнула: вот умора – представлять отца в такой дурацкой позе.

Перед Харитоном парило одно большое блюдо и десяток маленьких.

– А-а. Ты явилась, – пророкотал отец, не отрывая глаз от изображений на блюдечках. – Садись.

Варвара прищурила глаза и сосредоточилась. Рядом с креслом явилась простая, но удобная табуретка. Девушка аккуратно присела, держа спину прямой, а ручки благочинно на коленях.

– Смотри и слушай.

Тут же в палатах появился звук.

– Обнаружено тело видоизменённого крола, – приглушенный, но отчётливый голос Листка. – Мы предполагаем, что див привёл из запредельного леса одержимого крола и пересадил демона в парня. Такие демоны специализируются на быстрых перемещениях – неудивительно, что гридни не сумели догнать Иваша.

Варвара взглянула на большое блюдо. Там была палата для переговоров, примыкающая к гостевой горнице. За столом сидел князь Александр, привычно уперев локти в столешницу и пряча нижнюю часть лица за сцепленными пальцами. Рядом склонился неизменный Фрол, тощий и лысый. За спиной – пара богатырей в черных воронёных доспехах с лицами, закрытыми темными платами.

Из-за дверей доносились приглушенные голоса – там пируют представители княжеств, пришедшие на церемонию открытия тягательских испытаний.

– Как он мог протащить одержимника через столько обжитых земель? – приглушенный голос Фрола напоминал карканье раздражённого ворона. – Это невозможно.

Варвара взглянула на отца – ей тоже было интересно. Тот кивнул на блюдо, мол, сейчас все узнаешь. Картинка поменялась, теперь там был Листок. Он переступил ногами, как беспокойный конь.

– Мы связываем это с амулетом, который обнаружен у дива.

На стол перед князем и урядником лёг лист бумаги с очень реалистично нарисованным медальоном. Картинка вновь изменилась. Теперь невидимый наблюдатель глядел на стол сверху. На листе изображена массивная четырёхпалая лапа из золота, сжимающая тёмный камень. Все это на золотой цепи с толстыми звеньями.

Варвара повернулась к Харитону.

– Отец, откуда эти образы? Я думала, ты всегда глядишь глазами писарей, но Листок там один.

Чёрная борода шевельнулась, как живая, среди волосков мелькнули толстые, как сардельки, губы. Они сложились в самодовольную улыбку:

– Знал, что ты оценишь, – откинулся в кресле. Звук от блюдец приглушился, дабы ничто не мешало мгновению триумфа первого библиотекаря. – Зри. Кроме тебя эту тайну знают единицы.

Тот наблюдатель, что следил за лицом писаря, вдруг посмотрел на потолок. Изображение стало меняться, потолок резко приблизился. Теперь можно было разглядеть узоры древесных колец, дырку от выпавшего сучка и...

– Паук! – воскликнула девушка с удивлением. – Там сидит паук!

Изображение продолжало укрупняться, и вот уже все блюдце заполнило насекомое, а потом его глаза. Множество блестящих разновеликих глаз, на дне которых... Девушка вздрогнула – могла поклясться, что на дне глаз паука мелькнули зелёные искорки.

– Зелёный Сглаз. Ты смог околдовать даже насекомое, – восхищённо проговорила Варвара.

– Не просто околдовать, – Харитон явно был польщён похвалой дочери, – я вывел новую разновидность пауков со зрением, способным охватить пространство самых больших палат в княжьем тереме. А ещё он умеет быстро передвигаться и сливаться с окружающей средой.

Изображение отодвинулось, паук мигнул и вдруг пропал. Усилием воли Варвара заставила себя снова увидеть его – теперь расцветка насекомого сливалась с цветом дощатого потолка.

– Это же... – девушка расширила глаза. – Воистину, от тебя теперь не укроется ни одна тайна!

– У меня не так много правильных пауков... – пророкотал Харитон. – Да и голова не бездонная. Но вернёмся к нашим... подопечным.

Он вновь прибавил звук. На блюдец появился князь. Он беспокойно посматривал на дверь, ведущую в гостевые палаты.

Варвара понимала тревогу князя: под одной крышей собрались очень разные люди с разными интересами. Ермаку от соседей ничего не нужно, кроме свободного прохода по их территориям для своих путешественников, новгородские купцы хотят почти того же, но их путешественники, куда бы ни явились, расставляют прилавки и начинают торговать новыми доселе неведомыми товарами. Минским звероватым людям хочется, чтобы никто их не трогал, а казаки под предводительством атамана Тараса сами готовы кого угодно потрогать, лишь бы выяснить, не найдётся ли в мире кто-то беспшашней и доблесней, чем казаки. И вот теперь эта взрывоопасная братия собралась под одной крышей, и крыша эта принадлежит князю московскому. Коли чего выйдет, винить будут его и только его.

– Как можно унять демона простой побрякушкой? – каркнул из тёмного угла урядник.

Князь вопросительно поглядел на Листка, тот вздохнул и заговорил:

– Это не простая побрякушка. С его помощью Шустр заблокировал наше с Харитоном общение.

Один из пауков взял Фрола крупным планом. Урядник резко подался назад, погружаясь в тень. На лице отпечаталось раздумье.

– Хочешь сказать, этот медальон способен воздействовать на человека, как богатырская мара? – тихо спросил князь.

– Не совсем. Богатырская мара – это морок, наложенный на других. Медальон не создаёт морок, он имеет реальное действие – блокирует природную силу. Даже земная тяга не всегда способна сопротивляться Зелёному Сглазу, а этот артефакт может...

Из угла донёсся кашель. Фрол бил себя по груди и не мог откашляться.

– ... Именно так Шустр разорвал связь демона и зверя. Дивы прекрасно владеют травами. Одурманить живое существо и сделать его тихим и послушным – не проблема. Таким образом, демон сам стал пассажиром внутри зверя, и когда представилась возможность, перешёл в Иваша и направил его обратно в Запредельные леса.

– Значит, Шустр изначально планировал похитить Иваша?

– Да. Мы считаем, что бывший одержимник был его целью наравне с книгой Полуночи.

– И Харитон позволил диву взять книгу! – ринулся в нападение урядник. – Вопиющая халатность! Библиотекаря надо наказать! Он давно уже напрашивается...

– Грхм!

Первый библиотекарь повёл бровью, звук от блюдец приглушился. Возмущённые крики урядника превратились в комариное пищание.

– Зачем ты показал ему медальон? – спросила Варвара, пристально всматриваясь в буйство темных волос и такие же тёмные стекляшки. – Явно неспроста.

– Молодец, дочка. Все хватаешь на лету. Я считаю этот артефакт загадочным и весьма опасным. Настолько опасным, что не спешу сам заполучить его в руки...

Он многозначительно умолк.

– Хм, – Варвара задумчиво приложила кулак к носу, – ты решил подсунуть его врагу и посмотреть, что будет? Урядник Фрол заглотил наживку. – Она посмотрела на блюдо, которое показывало крупный план лица Фрола с алчно сияющими глазами, и перевела взгляд на отца. – Но почему ты считаешь его настолько опасным? Стой! – девушку осенило. – Уж не думаешь ли ты, что это ловушка, приготовленная специально для тебя?!

Зелёные искорки были видны даже сквозь закопчённые стекла.

– В точку, дочь. Ты снова доказала, что я не ошибся в тебе.

– Но кто на такое способен?

Харитон махнул рукой на блюдечко. Гляди, мол...

– Ты говоришь, амулет воздействует на природную силу дивов. А на земную тягу он может влиять? – тихий голос князя.

– Нет. Земная тяга ему неподвластна, – проговорил Харитон.

Следом за ним слово в слово и с той же интонацией повторил Листок. Варвара знала, что отец способен говорить устами писарей, теперь она могла видеть это собственными глазами. Это вселило в неё ужас. Прямо как марионетки Вия. То, что писари это делают добровольно, лишь добавляло жути...

– В бою Шустр никак не задействовал эту силу, хоть и проигрывал. Это, кстати, объясняет, отчего они используют именно дива.

– Они? – поднял брови князь.

– Шустр – див с манией сильного хозяина. Если он совершает столь серьёзные поступки, значит, у него новый хозяин, и он считает его сильнее нас.

– Сильнее нас?! – Фрол издал горлом звук, похожий на смешок. – У нас самая большая дружина, у нас самые сильные богатыри! Школа богатырей находится на нашей территории. Разве может быть кто-то сильнее нас?! Даже восточная империя не рискнет пойти на нас войной...

– Шустр считает, что есть, – сказал Листок, повторяя слова Харитона. – Иначе он явился бы к нам, так же как явился пятнадцать лет назад к князю Владимиру...

Они замолчали. В глазах князя появилась печаль, Фрол что-то обиженно бормотал.

– Я считаю, что есть некто, к кому Шустр пошёл на службу, – быстро заговорил Харитон устами Листка. – Этот некто обладает могуществом, очевидно превосходящим силы нашего княжества.

– Ты в своём уме?! – Фрол походил на разъярённую ворону. – Кто, кроме перводемона, может подойти под твоё описание?! А Мрак повержен! Его нет в этом мире!

Листок обратил лицо с пульсирующими зрачками прямо к Фролу.

– Ты удивишься, урядник, – сказал он гулко, – этот неведомый хозяин Шустра настолько крут, что собирается вернуть переводемона, чтобы уничтожить нас его руками. Я даже думаю, что в своё время проклятие рода Святогорова упало на наши головы не случайно! Может статься, что и это работа Шустрова хозяина...

Фрол не нашёлся, что ответить. Он недоверчиво рассмеялся и развёл руками:

– Это уже за гранью... – Он повернулся к князю, призывая его разделить недоумение поведением библиотекаря, но тот был хмур.

– Тебе что-то известно? – спросил князь.

– Нет, – поник Листок. – Я уже давно подозреваю в мире некую силу. Древнюю силу. Враждебную.

– Кому враждебную? Нашему княжеству? Руси?

– Людям, – просто сказал Харитон устами Листка. Фрол услышал в этом простом слове такую бездну, что его передёрнуло. – Людям в целом.

– Это какой-то бред! Страшные сказочки. Я даже не знаю, как оценивать подобные заявления.

– Хорошо, – писарь мгновенно превратился в обычного бесшабашного Листка. – Пока нет доказательств, нет смысла об этом говорить. – Он извиняюще дёрнул плечом. – Харитон послал меня с заданием выяснить хозяина или хозяев Шустра. Выступаю сразу же, как закончу отчёт.

Князь кивнул.

– Добро. Сейчас у нас нет свободных богатырей, чтобы усилить тебя, но если будет нужно, после окончания испытаний мы пошлём тебе кого-нибудь для поддержки.

– Отец... – начала Варвара.

Харитон поднял указательный палец.

– Можно отозвать воронёных богатырей урядника... – проговорил он. Листок послушно повторил эти слова и обратился к Фролу, чтобы тот мог получше разглядеть пульсирующие зрачки.

– Что?! Ты хочешь лишить меня охраны?! – всполошился урядник. – Вот твоя истинная цель! Нацелился убрать меня?! Не выйдет! Не дождёшься!

Он настолько яростно орал, что за дверью притихли гости. Князю пришлось унять своего советника, положив руку на его плечо.

– Успокойся. А тебе, Листок, скажу, что такое возможно лишь, если Фрол не будет против. Пусть Харитон обратится к уряднику с официальной просьбой...

Лицо Фрола заполнило все блюдце. Даже глупец сразу бы понял, каков будет ответ на подобную просьбу.

– Что ты хотела сказать, дочка?

Звуки из княжских палат истончились, хотя блюдца продолжали показывать общую обстановку.

– Я не понимаю... – Варвара хмурила брови и глядела на блюдце.

Листок явно закончил и собирался уходить. Князь поднялся, а Фрол о чем-то болезненно размышлял.

Звук вернулся. В дверь с той стороны что-то грохнулось, шум усилился. Правитель московского княжества торопливо обогнул стол.

– Простите моё отсутствие, – сказал он, распахивая двери. – Срочное донесение из Запредельного леса...

Он сделал паузу, в гостевой горнице тут же притихли. Князь исчез за дверью, воронённые следовали за ним по пятам.

– Я не понимаю. Если у нас появился настолько серьёзный враг, почему мы думаем о глупостях? Отчего не бросим на него все силы?

– Хороший вопрос, – сказал Харитон. – Я называю это – непреодолимые обстоятельства. Бывают моменты, когда непонимание меж людьми настолько сильно, что с этим ничего нельзя поделать. И тогда остаётся принять это, как данность, и строить на этом дальнейшие умузаклечения.

– Но ведь они разумные люди! – поражённо воскликнула Варвара. – Неужели нельзя договориться? Как-то объяснить ситуацию...

– Если бы им можно было показать мою головоломку... – проговорил Харитон с грустью. – Но нет. Это невозможно. Поэтому Листок проследит за Шустром и выяснит, кто его хозяин. Кое-кто другой добудет нам тёмный медальон, и можно будет проследить, на что способна эта побрякушка. За это время закончатся испытания, и у нас появятся свободные руки...

– А если что-то случится на испытаниях? – распахнув глаза, проговорила Варвара.

Харитон помолчал, задумчиво глядя на неё.

– Напротив, – пророкотал он, – было бы очень неплохо, если бы что-то произошло на испытаниях.

Девушка нахмурила брови.

– Объясни, – потребовала она строгим голосом.

По волосатому лицу со стекляшками ничего нельзя было понять. Внутренне же Харитон дрогнул. Этот тон, этот голос... Варвара – вылитая мать.

– Лучшего способа осуществить мечты князя Александра не найти. Не зря ваше театральное представление нарушилось таким образом. За испытаниями наблюдают представители всех княжеств, среди тягателей много очень важных персон. Коли кто-то нападёт на них или подвергнет их жизни опасности, это станет серьёзным аргументом для объединения сил.

– Но...

– Наша задача сделать так, чтобы при этом никто не пострадал. В первую очередь защитить необходимо Любима. И это уже твоя забота. Я поручаю это дело тебе и только тебе.

– Но как?! Мы здесь, а тягатели в Запредельных лесах. Неужели мне позволено будет поехать следом за ними...

Варвара с надеждой приподнялась с табурета.

– Нет. Неподготовленным людям не место в Запределье.

– Тогда как?!

Варвара уже знала, что способ есть, иначе отец не заговорил бы об этом. Только вот зная Харитона – это запросто может оказаться смертельно опасным или того хуже.

– В своё время узнаешь. А пока изучи это, – на блюде появилась книга в тиснёном кожаном переплёте. Она лежала рядом со свечей, с помощью которой Варвара погрузилась в отцовы палаты ума. – Возьмёшь, когда станешь уходить. И не прекращай практику с палатами ума. Помни, что без них ты никому не нужная девчонка, а с ними, особенно с умением спуститься на второй уровень, ты очень ценный боец.

– Сделаю, – девушка поднялась. – Что ещё?

Эти слова она обратила уже во мрак библиотеки. Аудиенция закончилась, отец выпихнул её, не попрощавшись.

Она подняла книгу в тиснёной обложке и прочитала название:

«Воронов Глаз и другие "разумные" артефакты», автор – Харитон Московский.

Сказ 5 – Обида урядника

С пира Фрол вырвался поздним вечером в ужасном настроении.

– Богатыри! Чтоб вас черти забрали! – бормотал, комкая носовой платок.

В Грановитой палате ему были отведены небольшие покои, где урядник мог поработать, не отправляясь домой через всю Москву.

Влетев в покои, он отшвырнул платок и с наслаждением обругал холопа, рассыпавшего от неожиданности дрова.

– Брысь! – рывкнул напоследок. Оставшись один, заходил по палате туда и обратно. – Богатыри, богатыри, – бормотал раздражённо. – Плюнуть некуда, попадёшь либо в богатыря, либо в героя. Куда простым людям податься... – Он резко остановился. – Нет. Я не прост. Совсем не прост.

Тощий урядник возобновил бег.

После доклада Листка, где удалось хорошенько пройтись по Харитону и его ненадёжности, вернулся следом за князем на пир. Обстановка там накалилась до предела. Высокомерие новгородцев оскорбило бесшабашность тмутараканцев, простота лесных жителей не давала покоя лихим казакам Малороссии, а Тарас и вовсе готов был задирать кого угодно, лишь бы затеять свару.

Князь Александр прибыл вовремя, парой умелых фраз погасил вспыхнувший было пожар. Но, как видно, гостям нужно было выплеснуть дурную силушку, поэтому новой целью избрали Фрола.

– Князь, а князь, – сказал весело Иван Кольцо – правая рука Ермака. – Отчего у всех правителей шести княжеств правые руки – богатыри, а у тебя эта напыщенная выскочка?!

Фрол побледнел и выпрямился. Гости грянули хохотом, посыпались шуточки:

– Тощий до чего. Чем ты его кормишь?

– Гляди, зыркает как? Аки хорь бешеный.

– Он драться хоть умеет? Аль тяжелыше пера не подымал ничё?

Князь зубоскалов не поддержал, но и заступаться за советника не стал – для него важнее, чтобы гости не задирали друг друга.

– А земная тяга в ём есть? Чай, русский человек?

– Та какой он русской, глянь на одёжу! – кричал Прокл – маленький воевода Малороссии. – Мы когда в басурмании замки берём, там в такой же одёже ходят! Ха-ха! Урядник, ты им, случайно, не родня?

– А знаете что? – хлопнул себя Тарас по огромному пузу. – Мы ему в следующий раз одёжу-то пришлём. Панталоны!

Он захохотал.

– Токмо цвет больно хмурый. Надо другой! – ржал Прокл, размахивая чашей. Содержимое её то и дело плескало на стол. – О! Розовые!

Тарас задохнулся от хохота, не переставая колотить себя по пузу. Этот злой хохот до сих пор звучал в ушах Фрола, не давая ему покоя.

– Богатыри! Высокомерные, напыщенные тупицы! Думают, коли земная тяга из ушей лезет, то можно... можно...

В горнице есть все, что нужно для отдыха после государственных дел: просторное окошко, выходящее на Москва-реку, дабы насладиться красивыми видами, небольшая печь со стопкой дров у дверцы, чтобы согреться прохладными вечерами, шкаф, столик с подсвечником и просторное удобное кресло, чтобы можно было просмотреть пергаменты с донесениями. На полу лежит огромная медвежья шкура. Урядник уже оббежал её по кругу раз десять.

Усилием воли взял себя в руки.

– А ведь всего этого могло не быть, если бы тогда я не прогнал сдуру тёмную силу Мрака...

Да, он помнил тот день во всех подробностях. День, когда был повержен перводемон Мрак.

Перводемона победил сильномогучий богатырь Илья. Целый день они бились, расплещивая вокруг титаническую мощь. К счастью, после первого обмена ударами они очутились на дне огромной воронки, которая по мере боя углублялась и выглаживалась. Фрол с князем Александром ждали исхода на её краю. И вот, когда демон был побеждён, из него вырвалось тёмное облако. Оно не развеялось, а закружилось, затрепетало, рвануло к одному напуганному отроку, отскочило, потом кинулось к нему – Фролу. В ушах прозвучал визг обиженного напуганного щенка.

– Ступай прочь! – рявкнул на него будущий урядник.

С жалким визгом тёмное облако отпрянуло от него и полетело дальше. Полетело, чтобы вселиться в безмозглого новорождённого Любима.

– Да! Я должен был кричать «Да! Войди в меня! Располагайся!», но я не знал, что это за сила! Все думали, что это демон ищет пристанище.

Долгие годы Фрол жил с этим ощущением упущенной возможности, пока месяц назад не случилось нападение одержимника Вия на город. Оказалось, что тёмную волну можно похитить. Это сложно, но возможно. Но даже не это главное. Первый библиотекарь Харитон подверг Любима смертельной опасности, а потом заявил:

– Если бы он и правда умер, тёмная волна вышла бы из него и точно так же, как тогда, стала бы искать нового носителя. И если бы случился рядом кто знакомый...

– А я знаком ей, как не крути! – каркнул Фрол и сжал кулак. – Ох, если бы во мне была эта сила, они бы не посмели смеяться надо мной! Они бы увидели! Они бы!..

– Кар!

Урядник вздрогнул. Прямо в окне горницы сидел большой чёрный ворон и глядел на него темным глазом.

– Кар! Кар!

Птица встопорщила перья.

– У, ирод! Напугал! – урядник взмахнул руками. – Кыш отседа!

«Тёмные крылья – тёмные вести», – пришло в голову. Если птица залетает в окно – это к покойнику. Зябко передёрнул плечами и поглядел на ворона. Тот не обращал на его крики ни малейшего внимания.

– Враки, – сказал Фрол. – Пустые суеверия.

Он огляделся в поисках какого-нибудь оружия. Рядом с печью на камнях лежит стальная кочерга, чёрная от копоти. Обычно урядник не позволяет себе такого трогать – для того есть дворовые люди, но сейчас случай исключительный. Он подхватил кочергу и выставил перед собой наподобие меча.

– Кыш, кому сказал!

И тут ворон повернулся к нему вторым глазом. Фрол взвизгнул, выронил кочергу и отвернулся. Голову вжал в плечи, для верности обхватив ладонями.

Второй глаз ворона был зелёным и человеческим.

На приступочке у печи стоял подсвечник. В нем горела свеча. Взгляд Фрола ухватился за неё, как за последнее спасенье.

Зелёный глаз! Зелёный глаз! Зелёный Сглаз!

Не смотреть! Главное – не смотреть туда! Выйти из горницы и кликнуть Болта. Уж он эту ворону...

Фрол мигнул и застыл: огонёк свечи быстро-быстро бежал, очерчивая силуэт положенных набок песочных часов. Глаза урядника распахнулись, он попытался отвернуться. Мышцы на шее вздулись и опали.

Фрол неотрывно глядел на свечу. Тело его подрагивало, рот приоткрылся, но ни звука не вылетело из сведённого горла.

Из тьмы выдвинулось лицо. Кудрявая тёмная борода почти касалась лица Фрола, но тот ничего не почувствовал – его взгляд был прикован к двум затемнённым стекляшкам, скрывающим глаза. Из темноты появилась рука. Тонкие пальцы легли на стекла, словно собирались снять их.

– Нет! Пожалуйста! Не надо! Нет! – взвизгнул Фрол.

Он вдруг понял: если сейчас увидит эти глаза, то навсегда утратит себя. Никогда больше ему не быть самостоятельным игроком. Руками он панически шарил перед собой, пальцы чего-то коснулись. С тихим стуком свеча упала на шкуру медведя. Маленький дымок взвился вверх от погасшего фитилька.

Наваждение пропало. Фрол резко обернулся, щуря глаза, чтобы снова не попасть под влияние зелёного глаза ворона. Окно было пусто. На чистом небе загорались первые звезды.

Фрол рухнул на шкуру и закрыл глаза ладонями.

«...можно послать воронёных богатырей Фрола...» – вспомнил он речи Листка. И слова князя: «Только если урядник не будет против!»

Так вот как Харитон собрался добиться моего согласия! Он подскочил.

– Рассказать князю?! Да! Я должен сказать! – Он рванулся было к двери, да так и застыл. – Нет. Это сделает меня посмешищем. Харитон скажет – боится ворон. Мерещится. Нет! Слабость. Это слабость. Разве может второе лицо княжества выказать слабость?

Он опять услышал дружный хохот гостей. И князь им ничего не возразил. Никак не защитил соратника. Для него государственный интерес важнее. Так будет и с Харитоном.

Он с хрустом сжал кулак.

– Нет! Этого они и добиваются! Богатыри! Дивы! Напугать меня! Сломить меня! Нет! Никогда! Только не меня! – Он распахнул дверь и закричал: – Охрану сюда! Срочно ко мне Болта и Розга!

Когда воронёные явились на его зов, урядник сидел на своём излюбленном кресле и что-то чертил на листе пергамента. Увидав их, он вскочил на длинные тощие ноги.

– Первый библиотекарь Харитон совсем зарвался. – Фрол с хрустом сжал кулак и продемонстрировал его воронёным богатырям. Те стояли перед ним, настороженно лоя каждое движение. – Зелёный Сглаз. Разве может у приличного человека быть такая страшная колдовская способность? – вопрошал Фрол громовым голосом. И сам себе ответил: – Нет! Не может!

Глаза Болта сверкнули. Он едва заметно пожал плечами:

– Я уже давно предлагаю, только скажи – проблема исчезнет раз и навсегда.

Розг повернулся к нему:

– Ты так не шути, – проговорил глуховатым голосом. – Князь нас не для того к уряднику приставил, чтобы непотребства чинить.

Даже сквозь тёмный плат было видно, что Болт скривился, как от зубной боли. Фрол тоже поморщился.

– Розг, ты это, не принимай его слова всерьёз. Шуткует он – что поделаешь, если скверное чувство юмора у человека...

Он остановился перед Болтом и заглянул ему в глаза. Там не было ни капли юмора.

– Нет, Харитону мы плохого не желаем, – сказал громко. – К нему благоволит князь Александр. К тому же его способности полезны для княжества. Нужно только проследить, чтобы он не пускал их против своих друзей.

Фрол посмотрел на Розга, тот кивнул. Взгляд Болта сделался скучающим: «Не хотите – как хотите. Моё дело – предложить», – говорил его равнодушный вид.

– Розг, у меня к тебе поручение, – сказал урядник. Он пересёк горницу и сел в высокое кожаное кресло, скрипнувшее под ним. Богатыри остались стоять. – Ты, наверное, слышал о нападении на библиотеку Харитона? Это сделал див по имени Шустр. Он едва не угробил нашего уважаемого библиотекаря, тому даже Зелёный Сглаз не помог.

Розг удивлённо расширил глаза.

– Неужель он настолько силен?

– Нет, – Фрол опустил руку на столик и взял пергамент. – Вот, гляди. У дива на шее висит такой медальон. Он обладает некоей волшебной силой. Именно из-за него Харитон проиграл...

Розг прищурил глаза, запоминая картинку. Болт стоял, безучастно таращась в пространство.

– ...Добудь мне его, – сказал урядник. – Я хочу этот артефакт показать князю. Кто знает, может быть, ему тоже не помешает вещица, которая может защитить от...

Он многозначительно умолк. Глаза Розга расширились, он кивнул.

– Понимаю. Коли надобно для князя – сделаю. Разрешите идти?

– Ступай. И помни – князь надеется на тебя. Коли отличишься, кто знает, может, переведёт тебя в личную охрану.

Веки богатыря дрогнули, но он промолчал и вышел. Фрол, довольный, откинулся в кресле: «Так то! Если Вию или Харитону требуется Зелёный Сглаз, чтобы делать из людей марионеток, мне достаточно информации об их интересах и страстях. Чем я хуже? Скажите мне. Чем?» Внутри вновь колыхнулась обида и злость. Когда повернулся к Болту, скуки у того не было ни в одном глазу. Едва Розг покинул горницу, тёмный богатырь напряжился, как борзая, почуявшая дичь.

«С Розгом все, теперь разберёмся с Болтом. С ним легче. Коли бы не я, – размышлял Фрол, – он давно бы вылетел из воронёных, да и богатырём вряд ли бы остался. Сидел бы в порубе вместе с Ивашом. Или – что более вероятно – сбежал бы и скитался по миру без угла и друзей, пока его не прибил бы какой-нибудь доблестный герой. Хотя, чтобы справиться с уникальной способностью Болта, нужны два-три старших богатыря – не меньше».

– У тебя будет другая миссия, – сказал он тихо. – Ты станешь сопровождать меня в путешествии в Запредельный лес.

Глаза Болта сверкнули.

– Какова цель путешествия?

– Официально – мы надзираем за испытаниями тягателей. Я выразил озабоченность, и князь со мной согласился, – урядник встал, не в силах усидеть на месте от возбуждения. – Во время испытаний тягатели часто остаются одни, без присмотра. Конечно, пространство вокруг них хорошо проверено и охраняется, но ведь мы не враги. Мы с тобой высокопоставленные наблюдатели...

Болт вскинул острые глаза. Тёмный плат скрывал его лицо, поэтому эмоции можно было читать по взгляду.

– ...Испытания тягателей очень опасны. Любим славен тем, что всегда лезет на рожон. Наверняка он не раз подвергнет себя смертельной опасности.

Голос Болта был сух, как треск хвороста в костре:

– Я понял. Коли с отроком на испытаниях случится несчастный случай, тебе это на руку.

– Да. Если он сильно повредится или умрёт, тёмная волна покинет его. В этот момент я должен находиться достаточно близко. Тогда она вернётся ко мне!

Последние слова почти выкрикнул. Воронёный остался спокоен, только вскинул брови при словах «она вернётся», но урядник не заметил этого, он возбуждённо продолжал:

– Если бы я знал об этом раньше! Ух, я бы... – он вдруг замолчал и поглядел на Болта, словно только что проговорился о чем-то постыдном. Воронёный невозмутимо молчал. – Ты проследишь, чтобы со мной ничего не случилось, – сказал он, меняя тему. – Когда тёмная волна станет моей, они уже не посмеют надо мной смеяться.

Болт ничем не выразил удивление. То, что тёмная волна в мальчике – знал уже давно, но что её можно забрать настолько легко...

Легко ли? Тёмная волна защитила мальчика от демона Ярости и от одержимого Вия. Она не останется в стороне, если носителю будет угрожать опасность. Но Болту было все равно: чем больше трудностей, тем интереснее жить.

– Стало быть, мы заманим отрока в западню, а там...

– Нет! – резко сказал Фрол, подымаясь. – Я не даю тебе такого приказа! Слышишь?!

Богатырь пожал плечами.

– Тогда к чему все это?

– Мы дождёмся, когда Любим попадёт в безвыходную ситуацию, и воспользуемся этим. Понял? Он САМ попадёт в неё. А мы просто будем рядом. И, скорее всего, даже спасём его. Но не раньше, чем сила перводемона перейдёт ко мне...

Болт молчал.

– ...Это не предательство, – сказал с Фрол с нажимом, будто хотел убедить сам себя. – Я никогда не предаю князя. Я обязан ему всем. Но я не могу позволить себе быть слабым. Если у меня одновременно появятся сила перводемона и медальон... – он сжал кулак и расхохотался, – ...тогда никакой Харитон, никакие тупые увальни из других княжеств не станут мной помыкать.

Он был занят собой и не видел глаз воронёного богатыря, не видел той жестокости и торжества, которые сверкнули в них. Когда Фрол пришёл в себя, Болт уже отвернулся:

– Я буду в конюшне.

Он вышел из горницы, а Фрол улыбнулся. Все-таки удобно, когда тебя понимают без слов.

***

Болт прикрыл дверь и только тогда позволил себе улыбнуться под платом: «Да, я все понимаю без слов. Ты желаешь остаться чистеньким и не утрудить совесть. Поэтому ты и пригрел меня – того, кто готов за тебя принять решение, которое ты принять боишься...»

Болт ощутил, что тоскливые объятия скуки разжимаются. Это доставляло почти физическое наслаждение. Улыбка не сходила с губ, глаза же, напротив, сделались очень холодными.

– Ты прав, Фрол. Я не трону отрока и пальцем. Но ждать опасной ситуации не стану. Я сам создам такую ситуацию. И позабочусь, чтобы она не миновала мальчишку...

***

Крохотная деревенька из дюжины домов стоит на краю большого леса, а стена вокруг неё – в ином граде меньше.

Русоволосый паренёк с широким лицом сидит у открытых ворот и глядит на дорогу. На вид ему лет одиннадцать-двенадцать, не больше. Одет в простую холщовую рубаху, порты подвязаны обрывком верёвки. Нет даже лаптей – босые ноги загребают пыль у ворот. Рядом дремлет пёс с вислыми ушами.

– Эх. Почитай, полдня прошло, а никакой напасти не случилось. Не стряслось. Не стало, – проговорил паренёк. – Скукота-а!

– Дурило, – рядом ковылял старик, зыркнул неодобрительно, – нет напастей – радуйся.

– Как же мне радоваться, коли мечта моя деревню от напасти спасти? Уберечь. Оградить. А как же я её спасу, коли напастей-то и нету?

Дед остановился и строго поглядел на паренька.

– Дурень ты, Прутик. От напастей нас князьи гридни берегут. Князь за то им гривны платит. Их дело – деревню беречь. Наше дело – хлебушек растить, скотину выхаживать, охотиться. Понял?

Деда звали Карпей, и был он большаком деревни Мокеевка – той самой, что стоит на краю Запредельного леса и является своеобразными воротами в мир чудищ.

– Это же неинтересно, – протянул Прутик. И тут же подскочил: – А коли не справятся князьи гридни? Коли обмишурятся? Маху дадут? Попадут впросак?

– Дурень, – беззлобно повторил дед. – Коли гридни не управятся, то и нам неча делать. Только бежать и останется. А ты тут ничаво не увидишь. Наверху дозорный сидит, ему далеко видать. Это его дело. А твоё дело – деревне помогать.

Старик ушёл, а Прутик надулся: «Ишь, дедка Карпей поучает. Ему бы только поучать. А вот по-моему будет! Спасу деревню от великой напасти, тогда и поглядим, как заговорите».

Пёс наострил уши, Прутик привык ему доверять. Что это? Как будто стучит что-то?

Тук-тук-тук. Странный звук медленно приближался от ближайших домов. Парень поглядел по сторонам и поёжился. Никого нет.

Тук-тук-тук. Казалось бы, ничего необычного в этом звуке. Так стучит веточка в дверь, когда ветер равномерно качает её туда-обратно. Или обувных дел мастер Прошка, когда починяет подошву сапог княжьих гридней.

Тук-тук-тук. Тогда отчего так страшно? Мальчик поймал себя на том, что весь сжался, будто в ожидании ужасного. Тишка притих. Обычно он очень любопытен, а тут...

Тук-тук-тук. Звук приблизился, через мгновение его хозяин покажется из-за угла. Прутик в ужасе попятился. Волосы шевельнулись на затылке. Никто не показался!

Тук-тук-тук. Стук все ближе. Тишка вдруг заскулил, виновато глянул на мальчика, и пустился бежать, хвост меж задних лап.

– Что же это? – ещё немного – и мальчик пустился бы следом.

Он оглянулся на тёмную стену Запредельного леса, ошестинившуюся острыми ветвями – опасность должна приходиться оттуда. Но в последнее время туда ушло столько богатырей...

Тук-тук-тук. Звук прекратился. Невидимка остановился прямо перед ним. Прутик стоял ни жив ни мёртв и таращился в пустоту.

– Здравствуй, мальчик, – раздался вкрадчивый голос. Прутик так и подскочил. – Давай познакомимся. Я – Вий. А как зовут тебя?

Чья-то сильная рука цапнула его за плечо. Ноги подгибались от ужаса, глаза распахнулись во всю ширь – вплотную к нему стоял высокий тощий человек, полностью закутанный в тёмный плащ. Из-под надвинутого капюшона торчал кончик вострого носа.

– Чего ты молчишь, словно воды в рот набрал? – раздался визгливый голос. – Хозяин! Давай вытрясем из него сведения вместе с душой?!

Из широкого рукава показались скрюченные пальцы. Кожа бледная, как у мертвяка. «Такие же пальцы держат меня за плечо, – отрешённо подумалось Прутику. – Это смерть пришла за мной».

– Что ты, Харламп, – возразил вкрадчивый голос. – Он сам нам все расскажет. Ведь так, мальчик? Как тебя зовут?

Оба голоса доносились из-под одного капюшона.

– Прутик, – прошептал паренёк. Несмотря на ступор, назвал своё второе имя – настоящие имена в их деревне незнакомцам не сказывают. По Запредельным лесам ходят такие существа, что даже запасное имя им говорить опасно.

– Хорошо. Пусть будет Прутик, – словно прочитал его мысли незнакомец. – Скажи нам, Прутик, не проходили ли здесь богатыри?

Нельзя ему говорить. Он враг. Я не должен...

– Микола Стародуб, – начали перечислять непослушные губы. – Калика Олег, калика Савелий, калика Фёдор. – Как не противился злой воле, которая ворочала его языком, не сумел даже замедлиться. – ...Два писаря – имён не знаю. Богатырь Костяй. Богатырь Буян. Отряд гридней.

– Это все?

– Все.

– Куда пошли?

– Все отправились по главной дороге. Костяй и гридни остались в деревне.

– Хорошо. Их больше интересует испытание, чем я. – Незнакомец забыл о Прутике. Сперва капюшон повернулся к дороге, уходящей к темным деревьям, потом к чаще, что справа. Прутик стоял и не мог пошевелиться. – Идём, – сказал холодный голос. Тук-тук-тук! – каблук вновь застучала по твёрдой земле.

– Хозяин?! А как же мальчонка?! Он нас видел! – опять визгливый и суетливый голос.

– Неужели ты думаешь, что я не позаботился о нём? – холодно отозвался ледяной. – Я наложил на него проклятие забвения и тягу последнего вдоха.

Прутик стоял и глядел вслед незнакомцу.

– И все-таки у него поджилки трясутся. Опаску имеет. Кругаля даёт, – забормотал Прутик, с каждым словом ощущая все большую радость. – Не сунулся по дороге, полез прямо в чашу...

Эта мысль была последней. Мальчик застыл неподвижно, бездумно глядя в пространство. Лишь тихо скулил вернувшийся пёс. Чёрный плащ незнакомца скрылся в лесу. Наблюдатель на вышке не заметил ничего подозрительного.

Сказ 6 – Лексий против Сойки

Ночевали в лесу в самодельных шалашах из еловых веток. На следующий день Стоян поднял их ни свет ни заря. Позавтракав невесть откуда взявшейся кашей из огромного чугуна, тягатели выдвинулись через лес в направлении Владимира, который стоял на пути их путешествия к Запределью.

– Дойдём до Владимира, отдохнём как люди, – мечтательно сказал Ярополк. – Там посадником побратим батушкин – боярин Потап. Он меня всегда привечал. Конечно, это не касается всяких холопов...

Любимка хихикнул – знал, как на такое ответить:

– Ёшки-матрёшки! Что за человек. Настоящая богатырская жизнь только началась, а он уже по маменькиным перинам соскучился?..

Грохот хохота и злобный рык воеводова сына.

– Кто отстанет – тот не тягатель, – выкрик наставника пронзил воздух, как стрела из засады.

Пуф! Стоян перешёл в режим земной тяги и стремительно понёсся по лесу, оставляя за собой шлейф пыли, хвои и свежевзрытого дёрна.

– А-а-а! – заорал Любимка. – Мечи-калачи! За ним!

Он едва не врезался в ближайший ствол. Потом была бешеная гонка по лесу, которая длилась целую вечность.

Ближе к полудню Стоян остановился и дождался их у огромного камня, лежащего на поросшем травой и бурьяном склоне. Камень наполовину погрузился в землю и покрылся мхом. Вокруг, как стража, высились хмурые ели.

Пыхтя и отдуваясь, собирались тягатели.

– Никто не отстал? – Стоян выглядел так, будто не прискакал только что во главе бегущей колонны, а дождался их в тишине и спокойствии. – Добро. Хотя я полз, как беременная улитка в горку.

– Что?! Улитка?! В горку?! – Неждан вытаращил глаза и махал руками, словно пытался взлететь. – Если бы не моя скорость, я бы вас потерял!

– А как нас догнал этот? – Остап неодобрительно зыркнула на Наума.

Тот выглядел хуже остальных – лежал на земле и таращился в небо. Грудь вздымалась и опадала так часто, словно на каждый стук сердца приходилось по вздоху.

– Ему девка помогла, – сказал Димитрий презрительно. – Я же говорил...

Он оборвал себя и многозначительно переглянулся с Ярополком. Любимка увидел Настеньку и ощутил стыд. Девушка тоже устала, но не забыла про толстоватого паренька. Без её умений следопыта он просто потерялся бы в лесу.

– Ёшки-матрёшки! Совсем забыл о товарищах!.. – пробормотал отрок. Мгновение назад с гордостью считал себя одним из лучших – ещё бы, сумел не потерять наставника из виду – теперь ощутил едкий стыд.

– Мечи-калачи! Дурья моя башка! О товарищах позабыл! Стыд мне и позор!

Стоян медлил, давая им отдышаться и восстановить силы.

– Стану богатырём, побью Дыню и наймусь к какому-нибудь толстосуму на службу, – разглагольствовал Лексий. Преследуя наставника, он даже не запыхался.

– А чего не к князю? – подтрунила Сойка. Она ничем не уступала сыну богатыря.

– Не-е. У князей работы много, а платят мало. К чему мне, например, город патрулировать или за чудисцем по лесам скакать? У купца я караван провёл – кошель гривен, обратно вернул – ещё один. Скоплю денег и службу организую. Наёмную. Дабы самому не ездить, а деньгу получать.

С каждым словом Любимку трясло все больше.

– Это чево же за жисть такая – самому не ездить, а деньгу получать? Да коли бы все богатыри так считали, давно бы перевелось богатырство на Руси.

– Ак оно и перевелось, – влез Неждан. – Нас же раз, два и обчёлся.

Он начал загибать пальцы, словно всерьёз собирался сосчитать тягателей, а потом развёл руками.

– А за подвиги гривны брать?! – ярился Любимка, не слыша. – Это же!.. Это! Недостойно!

Лексий глянул на него брезгливо и отодвинулся. За него ответил Матфей:

– Сразу видно, что ты жизни не ведаешь. Достоинство в рот не положишь, а честью хлеба не намажешь. Да и хлеб на что-то надобно покупать...

– Святогор не для того нам земную тягу дал, чтобы её для себя пользить, – резко повернулся к нему Любим. – Тяга для того, чтобы Русь защищать!

Лексий и Сойка переглянулись и одинаково заулыбались.

– Экая каша у тебя в голове, – сказал сын богатыря. – Слыхал я, что у вас в московском княжестве чудачки живут. Но не такие же.

– Школа богатырей учит нас доблести, чести, милосердию, – не унимался Любимка и оглянулся на дядьку Стояна. – Мы обязаны использовать наш талант...

– Я никому ничего не обязан, – резко оборвал его Лексий и тоже оглянулся на Стояна – не ошибся ли. Тот невозмутимо кивнул. Мол, правильно, не обязан. Любимка вспыхнул. – А был бы обязан, меня бы здесь не было. Мы пришли сюда поучиться воинской сноровке. За просто так! Коли бы здесь плату брали или служить заобязывали – я бы сам всем овладел.

Клац-клац-клац! Любимка аж подскочил. Это смеялся Болтя.

– Пральна боярин гутарит, – пробулькал болотник и снова заклацал.

Сойка брезгливо сморщилась и отступила на шаг в сторону. От Болти пахло гниением и сыростью.

– Как же так, дядько Стоян?! – Любимка обратился к наставнику.

Тот ответил невозмутимым взглядом.

– Плату за обучение мы действительно не берём. А вот потрудиться на благо московского княжества, может, и доведётся. Школа же вас поит, кормит, одежду даёт.

Лексий улыбнулся и развёл руками.

– Так-то малыш. Товарно-гривенные отношения рулят.

Любимка сердито отошёл от них, вспоминая печальное лицо Михайло, старого богатыря. Каково ему, заставшему золотые времена богатырства, слышать вокруг себя такие речи?

– Ну что ж. Все отдохнули? Приступим, – Стоян хлопнул в ладоши, призывая общее внимание. Наум со стоном сел и начал подниматься. – Здесь достаточно безопасное место для поединка, – наставник огляделся.

Они стояли на вершине крутого склона. Сверху – большой камень и ряд сосен. Внизу – огромный дуб, чуть в отдалении опасно теснятся ели, не дерзая приблизиться к лесному великану.

– Поединок!.. – Любимка мигом позабыл об обидах. – Ёшки-матрёшки! Я! Я! Можно меня!

Любимка вытянул руку и запрыгал на месте, едва не отдавив ноги Болте. Тот клацнул зубами, но глаза тоже не отрывал от наставника.

– Объявляю поединок, – громко провозгласил тот. Глиняша на его плече радостно потирал прутиковые лапки. Тягатели загалдели, и наставнику пришлось возвысить голос, чтобы остаться слышным. – Лексий против... – Стоян задумчиво потёр подбородок.

Над склоном понёсся отчётливый хруст волосков. Тягатели притихли. Потомственную силу сына Алёши Хитроуста знали и уважали.

– Ёшки-матрёшки! Меня же! Меня! – один Любимка продолжал скакать, вытягивая руку.

– А пущай попробует Сойка, – решил наставник.

Девушка вскинула глаза и выступила вперёд.

– Значит, всё-таки противостояние богатырей и, хм, нечисти.

– Нет, – спокойно отозвался наставник. – Просто вы равны по силам. Вот и выясним, насколько.

Глиняша на его плече зашевелился, устраиваясь поудобней. Лексий хмыкнул, смерив синеволосяную девушку оценивающим взглядом.

– При всем уважении... Эта – мне ровня? Да вы смеётесь?

Сойка перестала улыбаться.

– В бою тоже зубы казать да лясы точить станешь? – сказала и лихо притопнула стройной ногой в изящном сапожке.

В своей короткой выше колен юбке, в обнажающей загорелые руки рубаше с завязками на округлившейся груди, с гривой синих волос, карими глазами и яркими красными губами она была невообразимо хороша. Тягатели притихли и засмотрелись. Несмеяна тяжело вздохнула, Настенька опустила взгляд. «Неужели завидует?!», – поразился Любимка. Если бы его попросили выбрать, с кем остаться наедине в глухом лесу, однозначно взял бы Наську!

– Поединщики – ступайте вниз. Остальные – выберите себе дерево покрепче и спрячьтесь за ним. Здесь, на склоне. Если они разойдутся, зрители могут пострадать.

Бурча и пиная траву, Любимка отправился к ближайшему дереву.

– Чего он нас так оскорбляет? Мы все тягатели, чай, не ребёнки.

– Мы – тягатели, а они – потомственные тягатели. Сила да умения у них в крови, – сказал Наум, тяжело топая рядом. – Нам их никогда не догнать.

– Мечи-калечи! – взъярился Любимка. – Даже не думай так думать! Мы станем упорно тренироваться и превзойдём их потомственность! – Он сжал кулак. – Так и знай!

Рядом проходил Ярополк и громко фыркнул. Наум вздохнул ещё тяжелее. Зато Неждан покосился на Димитрия, который держался как всегда особняком, а потом на Любимку. Лицо шустрого тягателя было задумчивым. Клоп тихонечко отступил в ту сторону, где осталась Несмеяна. Вскоре оттуда донеслось тихое таканье. Хмурости на лице девушки – а вместе с тем и на небе – поубавилось. Зато на щеках зажегся румянец. Она глядела на ладную спину удаляющейся Сойки почти без хмури. Зато Настенька вздохнула ещё горше.

Лексий и Сойка спустились вниз и стали друг напротив друга. Стоян остановился между ними.

– Ваша задача – продемонстрировать лучшие свои умения. Не нужно пытаться навредить друг другу, хотя я знаю, что бойцы вы крепкие.

– Велика ли честь с девушкой биться, – усмехнулся Лексий и поглядел вдоль склона, где остались прочие. – Хотя среди парней лучше не найти. Может, всех разом против меня выступишь?

– И это говорит человек, которого не так давно уделали одним мизинчиком, – не осталась в долгу Сойка. Её синие волосы переливались на солнце, как крылья насекомого, в ясных глазах на красивом лице – готовность показать себя.

– То не считается, – отмахнулся парень. – Там был настоящий богатырь, а ты...

Девушка вспыхнула. Любимка её понимал – кому понравится подобное пренебрежение в свой адрес.

– Хватит болтать. Начали, – рявкнул Стоян и отпрыгнул к дубу. Глиняша перебрался с плеча на макушку, чтобы лучше видеть.

– Фьють!

Сойка выдала резкую трель – Лексия снесло, словно тараном.

– Ха-ха! Вот девка даёт! – Остап был счастлив. Он вставил два пальца в рот и свистнул. – Давай, девушка! Мы с тобой!

Сойка улыбнулась и показала большой палец. Но и Лексий был не прост. В полете сгруппировался, приземлился на обе ноги. Дёрн вспорол, как двумя плугами.

– Неожиданно, – сказал. – Но толку мало.

Он пропал со своего места, размазавшись в длинный силуэт по направлению к противнице.

– Фью-у-у-у-фью-фью!

Та скакнула назад и выдала один из самых мощных посвистов. Движение Лексия замедлилось, силуэты, из которых состояла траектория, стали прикрывать рукой лицо, нагибаться, под конец сын богатыря и вовсе замер. А свист все длился и длился. Волосы Лексия трепетали на сильном ветру, полы рубахи хлопали, как крылья гигантской птицы.

Любимка ошалело увидел, как скользят по земле ноги парня.

– Врешь! Не возьмешь! – прорычал он. Скольжение остановилось.

– Опустил земную тягу в ступни, – сказал Наум. – Теперь вся его тяжесть у земли, Сойке его не сдвинуть.

Это поняла и внучка разбойника, она вдруг оборвала свист. Любимке показалось, что оглох – такая наступила тишина.

– Ха-ха! – Лексия шатнуло вперед, едва удержал равновесие. – Выдохлась, девка?

– З-з-з-иу-з-зи-у-з-з-зиу!

В свисте появились зудящие стальные нотки. Ширх-ширх! На рубахе парня легли крест на крест две прорехи, словно её полоснули мечом. Он вскрикнул и на миг утратил собранность. Его тут же отбросило назад и кувыркнуло по земле.

– Ну что, как тебе девчонка?! – звонко воскликнула Сойка и подбоченилась, выставив загорелую ногу.

Магии её красы не поддался только Клоп, да и то потому, что глядел на Несмеяну. Любимка вспомнил Варвару в длинном простом платье с подолом до земли и двумя строгими косицами. В груди ёкнуло. Сравнение явно было не в пользу дочки библиотекаря.

– Оно и видно, что девчонка, – ответил Лексий, подымаясь. – Только и способны, что платье порвать.

Он сдёрнул с себя остатки рубахи, обнажая мускулистый торс.

– Я с тобой только развлекался, а теперь посмотрим, устоит ли твой ветер против моего клинка.

Он вытащил из ножен длинный кинжал и неспешно побежал по кругу, приближаясь к девице. Та сунула пальцы в рот и вновь:

– Сиу-с-сиу! З-зиц-зиц!

Их сражение подняло лесную пыль. Любимка с благоговением увидел, как она сложились в дугообразные гребешки, которые мчались в сторону Лексия – пыль сделала видимым режущий посвист Сойки.

Лексий взмахнул кинжалом, разрубая гребни, идущие прямо в него. Лезвие сверкало, бешено вращаясь, волны распадались и уходили в стороны.

Сойка резко опустила голову, свист вдарил под ноги Лексию. Пух! Взвился столб пыли. Сойка побежала вокруг него, спешно меняя позицию.

– Ха!

Сверху на неё упала стремительная фигура.

Дзинь! Клац! Бац! Замелькали в бешеном танце клинки. Любимка не успел уловить, когда девица выхватила свой кинжал. Отбивалась одной рукой, пальцы второй продолжала держать у губ, создавая из них разные фигуры.

– Фьють! Зих! Фиу-фиу!

Она выдувала через эти фигуры совершенно не похожие друг на друга звуки. Лексию то и дело приходилось вспарывать кинжалом воздух, чтобы отразить невидимые атаки.

– Вот так мастера! – раскрыл рот Любимка. Сам близко бы не мог двигаться с такой же скоростью и отточенностью. По крайней мере без темной волны.

– Похоже, силы равны. Как я и предполагал, – сказал Стоян.

– Наставниче, – воскликнул Лексий, отскакивая от девушки. – Ещё две минутки. Жалел девку, теперь не стану.

Сойка фыркнула, настороженно глядя на него.

– Добро. Ещё две минуты. Начали!

Внучка Соловья подняла кинжал и приложила пальцы к губам.

– Не выходит так просто меня взять? – проговорил Лексий с улыбкой. – Привыкла на обычных людях свои свистульки практиковать. Я тебя понимаю, денюжки они всем нужны.

– Что? – Сойка вспыхнула. – Ты о чем это?

– Я тебя не виню. Ведь мы потомственные. Кому-то с родителем повезло, – как бы невзначай он положил руку на свою обнажённую грудь и почесался. – А кому-то не особо...

Он махнул рукой в сторону Сойки.

– На что ты намекаешь? – девушка покраснела.

– Ты же сама мне рассказывала, что корни деда зовут на большую дорогу. Помнишь? В любви мне призналась, сю-сю, мусю. Говорила, спаси меня, не то я разбойницей стану.

Говорил с противной улыбочкой, глаза внимательно обшаривали лицо девицы. Действуют ли насмешки? Доходят ли до сердца? Кровь так быстро отхлынула от лица Сойки, что Любимка испугался – не сомлела бы девка. Руки её опустились, кинжал выпал из разом ослабевших пальцев.

– Как ты мог... Ведь обещал никому...

Лексий тонко улыбнулся.

– Разве может богатырь разбойнице что-то обещать? Когда с разбойниками дело имеешь, то не обман, а воинская хитрость.

– Так это была... воинская хитрость? – пролепетала Сойка. Такой потерянной Любимка не видел её ни разу в жизни.

Лексий повернулся к остальным тягателям.

– Вы бы её видели. «Я люблю тебя, Алёша! Я вся твоя!»

Он картинно распахнул объятия и вытянул губы трубочкой.

Этого девушка уже не выдержала. Слезы брызнули из её глаз, лицо скривилось. Она прикрылась рукой и бросилась опрометью к дальним деревьям.

У дуба повисла мёртвая тишина.

– Враг покинул поле боя, – улыбнулся Лексий. – Моя победа.

Он триумфально вскинул кулаки.

– Нет! Не твоя! – Любимка яростно ринулся вниз, оступился и кувыркнулся так, что зубы лязгнули. Даже не заметил этого – подскочил к Лексию и закричал: – Это было подло и недостойно!

– Зато действительно, – Лексий пожал плечами и подобрал разорванную рубаху. – А какой крутой себя кажет. Кто бы мог подумать, что окажется такой, ха, ранимой.

– А вы должны были остановить бой! – накинулся отрок на наставника.

– Любим, Лексий прав, – сказал Стоян. – В настоящем бою враг может применить любые ухищрения, мы все должны быть готовы.

– Сойка нам не враг! – закричал Любимка, почти плача.

Благородные все как один лыбились, Болтя клацал зубами, явно довольный. Конопат, как всегда, ничего не понимал, Клоп татакал с Несмеяной, девушке как будто неинтересно происходящее. Шестерён и Неждан глядят на Лексия понимающе. Разве что Настенька вздыхает сочувственно.

Любимка затараторил, пытаясь донести до них то, что настойчиво стучало в душе:

– Она поэтому и расстроилась, что считала Лексия за своего. А враг – говори, что угодно! Кто врага слушает?

– Не хорохорься так, малыш, – Лексий положил ему ладонь на голову и взъерошил волосы. – Может быть, и твоё время настанет...

Он отвернулся и пошёл по траве, иссечённой режущими атаками Сойки, расправляя рубаху и оценивая ущерб. Любимка кинулся вслед, но Стоян удержал его.

– Что, холоп, получил? – крикнул сверху Ярополк. Отрок лишь зло дёрнул плечом.

– Внимание – вывод, – громко проговорил Стоян. – Наши эмоции – наша слабость. Когда используешь земную тягу, эмоции нужно отключить. Они не должны влиять на наши поступки и поведение. Иначе либо враг найдёт лазейку, чтобы дёргать нас за ниточки, либо земная тяга выйдет из-под контроля, и результат будет столь же плачевный.

Говоря, он поглядел в сторону Любимки. Тот оглянулся и увидел спускавшуюся Несмеяну. Вот и пойми, кого имел в виду дядька Стоян.

Сказ 7 – Вий заключает контракт

Тук-тук-тук. Кованые каблуки тукали о корни деревьев. Человек в плаще уверенно пробирався меж чудовищных стволов.

– Нет! Хозяин! Я не хочу возвращаться туда! – визгливый плачущий голос.

– Цыц. Тебя никто не спрашивает, – отвечал ему ледяной и твёрдый.

Капюшон – как всегда – надвинут до самого носа, вострого, как кончик секиры, бросает тень на узкое бледное лицо и большие неестественно распахнутые глаза.

– Мы потерпели поражение. Любим вывернулся и сумел сохранить силу переводемона, – говорил путник ледяным голосом. – Теперь у нас нет выбора. Нужно снова уходить в глубину палат ума, чтобы накопить сил.

– Но хозяин! Может быть, есть какой-то другой способ?! – он отвечал сам себе визгливо и жалобно, почти плача.

– Предлагай, – ледяной голос делается насмешливым. – Если ты знаешь такой, я вознагражу тебя свободой на целый день.

– Воля?! На целый день?! – путник сбился с шага. – Хозяин! Я придумую! Я... Да! Да! – Какое-то время человек брёл молча, потом вновь зазвучал визгливый голос: – Может быть, найдём союзников? Полуночники могли бы...

По тому, как трянуло их общее тело, Харлампы тут же понял, что сказал глупость.

– Если ещё раз услышу от тебя об отряде Полуночи, – жёстко молвил демон, – возьму полный контроль над телом!

Человека в капюшоне вновь трянуло.

– Нет! Нет! Простите! Хозяин! Я обещаю!..

Какое-то время в лесу воцарилась тишина, нарушаемая только – тук-тук-тук – стуком каблуков.

Так прошёл день: путник неумолимо передвигал ноги, визгливый голос предлагал глупые планы, холодный отвергал. Они забредали все глубже и глубже в Запредельный лес. Порой Вий резко менял направление движения, словно обходил нечто невидимое. Два раза загонял человека вглубь, не давая ему шуметь.

А потом подлесок впереди вдруг зашевелился и заворчал.

– Что?! Почему кусты бурые?! – визгнул Харлампы.

– Это не кусты! – ответил Вий.

– Р-р-ра-а-а!

Перед ними явилась распахнутая пасть с алым зевом. Огромный медведь: в холке – до середины сосны. Уши прижаты, пасть оскалена, каждый зуб величиной с руку путника.

– Одержимый бер! – закричал жалобный голос.

– Как не ко времени, – отозвался холодный. – У нас так мало сил...

Бледные ладони откинули капюшон. Огромные глаза уставились на бера. Тот угрюмо поглядел в них своими большими карими глазками, потом разинул пасть.

– Ра-ар-р!

Путник оказался в эпицентре настоящей бури. Полы плаща рвало и плескало потоками воздуха. Ему пришлось наклониться вперёд, чтобы не упасть. Вокруг одержимника появилась тонкая зеленоватая дымка.

– Оставь нас в покое!

Зелёные глаза изломались и пропали. Вместо них открылись две бездонные тёмные бездны.

– Р-р-р-р-рау! – бер вздыбился на задние лапы, разом заслонив собой весь мир.

– Нам конец! – завизжал Харлампы.

Вий ничего не ответил. Зелёная оболочка мигнула и пропала. Сил поддерживать Зелёный Сглаз и Зелёный Щит одновременно не было.

– Р-р-р-ру-у... – рычание изменило тон и потихоньку сошло на нет. Бер медленно, словно во сне, опустился на все четыре лапы и замер. Глаза превратились в две мутные стекляшки. Застыло и лицо Вия. На виске набухла и потекла вниз крупная капля пота.

– Хозяин!.. – в визгливом голосе слышался восторг. – Он... Он слушает нас! Вы околдовали его!

– Не я, – холодно отозвался Вий и взмахнул рукой.

Медведь послушно посторонился, глядя помутневшими глазами.

– Не вы? – воскликнул Харламп. – Тогда кто?! Здесь только мы и он?!

Вий напряжённо всматривался в бера. На бледном лбу выступили крупные капли пота.

– Есть в мире силы, для которых демоны низшего порядка покорные слуги. Один из этих низших демонов сейчас в этом звере.

– А где тогда эти силы?! Неужели они могут управлять бером, находясь за многие версты отсюда?!

– Утихни! – резко бросил демон. Человек пикнул и пропал. Глаза Вия уставились на бера. Тот невозмутимо ждал. – Я не звал тебя, – проговорил Вий, глядя на зверя. – Я отказался от твоей помощи. Я жаждал все сделать сам...

Бер молчал, словно и правда слушал. Или кто-то другой слушал его ушами.

– ...Тебя не разгневал отказ. Ты выказал равнодушие. Будто забыл про меня. Теперь я понимаю. Ты терпеливо ждал. Ждал, пока я проиграю. И дождался!..

В голосе Вия плеснулась горечь.

– ...И ты снова делаешь мне предложение?! – вскричал он. – Ты снова готов помочь мне?..

Бер остался недвижим. Вий успокоился и задумчиво заговорил:

– ...Раньше, одержимые звери держали нейтралитет. Они не подчинялись даже перводемону. Из его отряда Полуночи кое-как повлиять на них мог один Лютик. Даже для богатырей чудовищные звери – головная боль...

Он протянул руку и коснулся пасти бера. Тот оскалится, словно демонстрируя клыки длинную в руку.

– ...Теперь ты решил изменить правила игры? Неужели отдашь мне всех одержимых зверей?..

– Р-рья! – тихонько отозвался бер. Огромная башка немного приподнялась и тут же опустилась. Некто заставил кивнуть огромного зверя.

– ...Если у тебя есть сила управлять одержимыми зверями, отчего ты сам до сих пор не захватил мир? – проговорил Вий.

– Rrrrrrrrrrrrrrrrr! – яростно взревел бер и вздыбился на задние лапы.

Он с яростью глядел на запад. Передние лапы грозно били по воздуху. Несколько деревьев с ужасным хрустом разлетелись в щепки. Зверь даже не заметил этого.

Вий недобро усмехнулся.

– Я понял. Тебе мешают богатыри. Земная тяга стоит, как кость в горле... Если бы не она, тебе не потребовался бы ни Мрак, ни я?..

Вий задумался. До дрожи не хотелось становиться в подчинённое положение. Не для того устраивал бунт против перводемона, чтобы попасть под власть нового хозяина...

Одно дело – перводемон, и совсем другое – этот новый хозяин. Это совсем разные уровни владычества. Может статься, что он ничего не потеряет, а наоборот – приобретёт. К тому же выбора всё равно нет. Вий чувствовал, что на сей раз предлагающий помощь отказа ему не простит. Просто освободит сознание одержимого бера и станет наблюдать, как тот пожирает крохотную человечью фигурку. Демону это не повредит, но без носителя ему придётся вер-

нуться в преисподнюю. Но даже это не так страшно. Страшнее потерять Харлампа. Без его зелёных глаз Вию нечего и думать справиться с Мраком и его подручными. А уж они припомнят ему предательство...

Бер глядел с ожиданием.

– ...Хорошо, – сказал Вий. – Если все одержимые звери за пределами станут слушаться моего Зелёного Сглаза, я готов убрать для вас эту преграду. Клянусь, я уберегу для вас богатырей!

Глаза бера сверкнули дьявольским блеском. Вий ощутил, как внутри него что-то меняется. Нет, не в жалком человеческом теле, а в самой демонической субстанции. Только что он произнёс клятву, и теперь уже не сможет нарушить её без фатальных последствий.

– А это мы ещё посмотрим, – эту мысль постарался утаить даже от себя, дабы могущественный владелец беров и прочих одержимых зверей не сумел прочесть и... наказать. Да, теперь он имеет такую возможность.

Бер замер. Чужая воля усмирила и покинула его. Теперь зверь, как хорошо вышколенный конь, ждущий приказа хозяина. В глазах его плыл туман. Приоткрытая пасть клочкотала утробным рыком.

По губам Вия, словно змея, скользнула улыбка: «Чудовище полностью в моей власти. И я могу приказывать ему все что угодно».

Он глянул беру в глаза.

– Для начала отвлечём богатырей от погони, – он возвысил голос. – Я вложу в твою голову маршрут, позволяющий миновать все богатырские посты. В мире лишь мои глаза способны заметить их все, и я поделюсь знанием с тобой. Где нужно, ты пойдёшь очень быстро, в других же местах проберёшься тихо и незаметно. Не отвлечёшься на добычу, будешь действовать умно и тонко. Так, как никогда не действуют одержимые звери. Богатыри не ждут такого коварства от простого зверя – это станет моим преимуществом.

Он не сумел удержать холодный смех.

– Ступай и разрушь Мокеевку. А потом иди на запад. Круши! Рви! Убивай! Пусть знают, что Вий вернулся...

Бер разинул пасть и яростно зарычал. Вия обдало потоком горячего вонючего воздуха, полы плаща хлопали, как крылья огромной птицы.

– ...Вперёд! Ступай!..

Чудище медленно развернулось и двинулось, роняя деревья.

– ...Молодец, – сказал Вий, глядя вслед. – Хороший мальчик.

Сам отвернулся и пошёл в другую сторону. Тук-тук-тук – стучали каблуки. Капюшон закрывал бледное лицо, оставляя открытым только скошенный, словно срубленный ударом топора, подбородок. По тонким губам змеилась улыбка.

***

Прутик сидел на краю деревни и недоумевал: «Что со мной? Что случилось, случилось, произошло? Отчего-почему-зачем такой туман в голове? Пелена, муть, мрак?!»

Он потряс головой. Не помогло. Прутик не помнил, как оказался на краю деревни, он не понимал, отчего Тишка так напуган. Посмотрел вокруг. По небу плыли облака, ветер с шелестом играл травой. Лес тих и беззаботен, совсем не похож на место, откуда все ждут появления страшных чудищ и неведомого лиха. Мальчик задрал голову. Гоп, как и положено, бдит на вышке: вострый нос, как клюв птахи, повернут к лесу.

Вострый нос... Голову стрельнуло болью, словно крохотная молния проскочила. Прутик потёр виски. Отчего мысли так путаются?

Он ещё раз поглядел на вышку. Случись опасное, Гоп давно бы поднял тревогу. Не зря же у него под рукой большой звонкий колокол.

Дин-дон! Дин-дон! Дин-дон! – заголосил колокол. Мальчик вздрогнул и закрутил головой. Не сразу понял, что звучит не башенный, а соборный колокол. Тот, что висит на главной площади близ крыльца большака.

Опасность! Тревога! Общий сбор!

Рядом с воротами тут же выросла пара дюжих гридней.

– Заходи, парень. Тревога.

Но мальчику не нужно было напоминать, он и сам уже подхватил Тишку и забежал под защиту стен.

Скри-ип! Бам! Толстые створки закрылись. Целое бревно легло в петли в качестве засова.

– Что случилось, дядька Войт? – спросил Прутик.

– Пока не знаю, – отозвался гридень. – Идём к храму...

На деревенской площади в окружении нескольких гридней вертелся странный человек. Был он лохмат, потрёпан и оборван. Лицо его скалилось по-звериному, сам то и дело норовил опуститься на четвереньки и тут же поднимался обратно, словно не мог определить, как удобнее.

– Кто таков будешь? – вперёд выступил Костяй – дежурный богатырь. Деревенские мужики во главе с большаком Карпеем жались к домам, наблюдая за происходящим издали.

– Р-р-рау! Сы-сы-сиу!

Звероватый огрызнулся и отскочил. Повадками он полностью копировал зверя, хотя обликом был человеческим.

– Откуда он явился? – крикнул Костяй, глянув на вышку.

– В том и странность, – крикнул с вышки Гоп. – Он явился с запада, по главному тракту.

– Весьма странно, – богатырь почесал затылок. – Не видать, что парень способен на самостоятельные решения. Да и демоны низшие обычно не могут повредить человеку. Разве что в Запредельном лесу...

– А ему и не надобно принимать решения. Я принимаю их за него, – раздался громкий голос.

Зих-зих-зих. Звук таков, словно воздух рубят крылья гигантского насекомого. Прутик подался вперёд – вот это да! Чудо чудное, диво дивное, тайна за семью печатями, загадка без ответа.

Над крайней к площади избой поднялся и завис человек. Над головой бешено вращаются две штуковины, так быстро, что не разберёшь, что это такое.

Зих-зих-зихя – звучит вспарываемый воздух. Незнакомец медленно опустился рядом с одержимым человеком. Гридни подались в стороны, но кольца не разомкнули.

Бешеное вращение прекратилось, Прутик увидел два меча, формой похожие на стрекозиные крылья. Человек оказался маленьким, узким в кости, на вид очень лёгким. Темно-зелёный кафтан, на ногах – сандалии, волосы обриты, лишь топорщится крохотная чёлка над самым лбом.

– Меня зовут Шустр, – сказал человек. – А это мой питомец. Не троньте его.

Незнакомец говорил высокомерно, мечи держал в опущенных руках.

– Вы пришли с запада. Значит, служите князю московскому? – Костяй сурово сдвинул брови. – Меня не предупреждали...

– Князю? – Шустр улыбнулся. – Не-ет. Шустр всегда служит самому сильному хозяину. Увы, князь Александр не дотягивает до уровня своего братца. Поэтому я нашёл себе нового вождя.

Он поглядел на звероватого. Тот в очередной раз опустился на четвереньки, из полураскрытого рта вырвался обиженный рык, парень снова выпрямился.

– А за него простите. Приказал ему бежать прямо на восток, да отвлётся. Деревня на пути, вот сдуру и заскочил.

Костяй пустил по лбу глубокие морщины, которые медленно перекатывались, как волны. Широкая ладонь вновь потёрла затылок.

– Чево тут думать! – крикнул Прутик. – Надобно его задержать, заключить, посадить! Для выяснения, так сказать, кто таковой и зачем...

Шлёп! Ай! Тяжёлая оплеуха заставила Прутика замолчать. Обиженно оглянулся и увидел Корчагу – старшего сына большака.

– Молчи, малец! Не наше то дело!

– А чево он так долго думает, мозгами шевелит, мысли путает?

Богатырь нахмурился ещё больше. Малец дело говорит, но ведь князь послал их сюда для того, чтобы беречь деревню от того, что идёт из леса, а не для того, чтобы удерживать тех, кто в лес стремится.

Корчага пережал воротом горло, едва можно вздохнуть, но мальчик все равно зашипел:

– Неужели мы без богатырей да гридней не значим ничаво?! Даже совета сваво не дадим, не предложим, не вставим?

– Наше дело маленькое, – отрезал большак – старик только что появился из общинной избы. – Пуцай сами разбираются.

Он поглядел на других жителей деревни. Мужики одобрительно загудели, а баб да детишек и вовсе не видно – не положено им выходить, когда незнакомцы в деревне. Один Прутик своего места не знает.

– Наверное, и правда придётся вас задержать... – решился, наконец, Костяй.

– Задержать? – оскалил мелкие зубы человечек. – Не думаю.

Шух-шух-шух! Мечи исчезли, загудел воздух. Прутик глазом не успел моргнуть, а маленький парень очутился перед гриднями. Зих-хрясь-крау-бац! Мечи столкнулись с мечами, брызнули искры. Мальчик глазам не поверил: дюжих гридней раскидало, как щенят.

– Пошёл-пошёл-пошёл! На восто-о-ок! – завопил маленький мечник.

Зверочеловек оживился, рыкнул и вдруг сорвался с места. Скорость была чудовищной. По пути он задел край дома. Бах! Грохнуло, словно в избу влетел валун. Угол разнесло в щепу, а странный парень даже не изменил траектории.

– Ха-ха-ха! Вперёд, мой крол! В Запредельные леса! – хохотал Шустр.

Звероватый исчез. Костяй угрожающе шагнул к Шустру.

– Можете нас преследовать, я не против, – сказал маленький див. – За нами и так погоня, вряд ли ещё один богатырь что-то изменит.

Он вскинул мечи над головой и раскрутил. Зих-зих-зих! – зазвенели они по воздуху.

– Прощайте! – крикнул крохотный див и начал взлетать. – Передавайте привет Харитону-у...

Его крик затих в вышине.

– Скорее! К воротам, – скомандовал Костяй. Гридни побежали гурьбой.

Прутик ускользнул из рук сына большака и очутился у ворот вместе с витязями. Засов переломлен, ворота распахнуты, створка покосилась, повиснув на одной петле.

– Видишь, – на плечо легла тяжёлая лапища старосты. Прутик с удивлением оглянулся, как это старый Карпей явился к воротам так быстро. – Гляди внимательно, – сипло произнёс старик. – Это совсем иной уровень. Тут даже гридни не сдюжат. – Прутик хотел вывернуться, но рука держала крепко. – Наше дело – хлебушек растить, скот кормить. А за чудо-юдами да всякими странными людьми богатыри присмотрят – запомни раз и навсегда.

Прутик опустил глаза и упрямо сжал зубы. Все равно спасу деревню! Вот увидите! Потом в голове что-то сместилось, перед глазами поплыло.

Тук-тук-тук – донеслось приглушённо, словно через вату. «Здравствуй, мальчик», – прозвучало прямо в голове. Прутик вздрогнул и оглянулся. Реальный мир отступил. На передний план поднялось нечто тёмное и устрашающее.

«Хозяин! Давай вытрясем из него сведения вместе с душой!»

«Хорошо! Очень хорошо!»

«Хозяин?! А как же мальчонка?! Он нас видел!»

«Неужели ты думаешь, что я не позаботился о нём?»

Последние слова будто бы зацепились за сознание. «Не позаботился о нём? Неужели... Ты думаешь... Не позаботился!»

ПРОКЛЯТИЕ ЗАБВЕНИЯ!

Прутик безвольно развернулся и пошёл.

– Прутик! Ты куда? – разинул рот большак.

ТЯГА ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА!

Сознание качнулось и погасло. Ноги продолжали нести обезволевшее тело все дальше и все скорее.

ТЯГА ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА! ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА!.. ВЗДОХА!..

Большак зло глядел вслед бегущему мальчику.

– Совсем от рук отбился. Вернётся – велю розг всыпать...

Сказал и отвернулся. Предстояло много дел. Надобно срочно восстановить ворота и понять, не грозит ли деревне новая опасность.

Сказ 8 – Последний вздох Прутика

Сойка догнала их только к вечеру, молчаливая и непривычно тихая. Лагерь был уже разбит, когда девица вышла из леса и, ни на кого не глядя, направилась к женскому шалашу. Любимка хотел заговорить с ней, но Сойка так злобно на него зыркнула, что он сразу отскочил, а Болтя завистливо прищёлкнул зубами.

Поужинали хлебом и холодным мясом. Снедь принёс молчаливый богатырь, который исчез, даже не перемолвившись словом с наставником.

Ночь прошла спокойно. Погода была тёплая, Любимка завалился прямо на траву, закинув за голову руки. Сверху на него глядело бездонное небо, звезды мерцали ровным холодным светом, даже не верилось, что это далёкие небесные костры, у которых сидят герои древности.

– Небось, заждались уже, когда я пройду испытания и смогу, наконец, совершать настоящие подвиги...

Где-то там находится и потухший костёр, который облюбовал поверженный перводемон Мрак, чья тёмная сила теперь внутри Любимки. Этот наверняка глядит со злобой. Тянет свои когтистые лапки и истекает бессильной злобой.

«Ничего, – подумал отрок. – Стану усердно тренироваться, и когда Мрак вернётся, сумею загнать его назад. Уже навсегда».

На этой мысли он и уснул.

***

– Общий сбор, – скомандовал Стоян на следующий день, едва они успели позавтракать. Когда все тягатели собрались вокруг костра, он объявил: – Отсюда до Мокеевки примерно два дня пути. Пока мы находимся на обжитых безопасных землях, вы пройдёте ещё одно испытание.

Тягатели сразу подобрались – хорошо помнили, как быстро умеет исчезать наставник и на какие пакости способна его изобретательная натура.

– Испытание это – древнее. Ещё прародитель Святогор практиковал его в Запредельном лесу. Вы пока не святогоры, поэтому сделаем это здесь, на землях княжества...

Любимка не знал радоваться ему или огорчатся. С одной стороны – Святогор и все, что касалось прародителя рода русского, было ему до безумия интересно. Но с другой стороны, безопасность – это скуотища ещё та.

– ...Испытание зовётся – испытание волей. Оно позволит выяснить нам кто есть кто.

Тягатели притихли.

– Чего это? – недоуменно вертел головой Любимка.

– Дело в том, что мы хотим увидеть вас такими, какие вы есть на самом деле, без прикрас и наносного украшательства. В школе богатырей при наставниках это просто невозможно. Испытание волей как нельзя лучше для этого подходит.

Тягатели переглянулись.

– Волю я люблю, – радостно потёр руки Остап.

– Где подвох? – насторожился Ярополк. – Больно просто звучит.

– Ёшки-матрёшки! Как здорово! Воля! А что это?!

Ярополк фыркнул, пробормотав что-то о холопстве.

– Именно, – обрадовался Стоян. – Все вы так или иначе с самого детства подчинялись каким-то законам. Над всеми довели правила и приказы. Для кого-то это были законы клана или семьи, для кого-то нужда или жизненная необходимость. Когда вы попали в школу богатырей, все вы старались показать себя, заработать авторитет в моих глазах и в глазах друг друга. Это не позволяло вам до конца быть самими собой...

Тягатели стояли и кивали. Любимка вертел головой.

– Я не понимаю, – сказал он. – Как это можно – не быть самим собой? Это вы нас, чего же, лицедеями какими держите? Думаете, мы врём?!

Он нахмурился. Наставник вздохнул.

– Вот ты, например, прихвастнуть любишь, – сказал он. Все засмеялись, а Любимка покраснел. – Любишь, но постоянно себя одёргиваешь. Это и есть – не быть собой.

– Чево?! – так и взвился Любим. – Вы наставник, а не понимаете! Моя хвастливость – это, наоборот, как кандалы на ногах. Когда я от неё избавлюсь, вот тогда я сделаюсь вольным!

Тягатели смотрели на него, как на юродивого. Ярополк покрутил пальцем у виска, Сойка что-то шепнула Настеньке, та хихикнула.

– Ладно, некогда мне тебя убеждать, – отмахнулся Стоян. – Итак. Испытание волей. У вас есть три дня. За это время вы вольны делать все, что пожелаете. Идите куда хотите. Делайте, что душа попросит.

– А как же испытание тягателей? – спросил Шестерён.

– Через три дня я буду ждать вас в лагере, разбитом у пограничной деревни Мокеевка. До того времени вы полностью предоставлены самим себе.

Повисла тишина. Наум передёрнул плечами, даже Остап выглядел ошеломлённым. Любимка ощутил холодок.

– Как это? Предоставлен только себе?

– А вот так. Идите, куда хотите, делайте, что пожелаете, и пожинайте плоды своих решений так, как заслужили. Мы станем только наблюдать. За эти три дня вы наверняка покажите своё истинное лицо.

– Эй, так не честно, – заволновался Матфей. – Дайте нам гривен тогда. Какая же это воля, без гривен? Это издевательство какое-то!

– Воля без гривен – это истинная воля, – улыбнулся Стоян. – Как сказал Любим? Воля – это не когда хвастаешь, если тебя на это тянет. Воля тогда, когда тебя тянет, а ты сказал «нет» и не хвастаешь.

– Значит, гривен не дадите, – скривился новгородский тягатель.

– Это часть испытания. Мы должны – в том числе – убедиться, что вы подготовлены к настоящей воле. Кому для ощущения свободы нужны гривны, должен сам их заработать. Это тоже часть воли. Но хватит. Теперь я покажу вам карту, и можете приступать.

Он вынул карту, долго объяснял, где что, показывал разные пути и тропы. Любимка мало чего понял – ещё в приюте был слаб в картографии, которую, помимо прочего, преподавал им братец Иоанн.

– Нет вопросов? – спросил Стоян и обвёл их строгим взглядом.

По его виду выходило, что вопросов быть не должно. Любимка раскрыл рот, чтобы выдать ворох недоумений, но наткнулся на ехидный взгляд Ярополка.

– Холопский неуч, – прошептал сын воеводы одними губами. Благородный нос гордо задрался к небесам.

Любимка вспыхнул и промолчал.

– Нет вопросов, – констатировал первый наставник и свернул карту в трубочку. – Добро. Я буду ждать вас в Мокеевке через три дня. Думаю, трёх дней хватит даже самым нерасторопным. А кому не хватит, можете и не приходите вовсе.

Тягатели примолкли, переваривая сказанное. Наставник продолжил.

– За мной можете не следить, я знаю в Муроме один хороший постоялый двор, думаю зайти туда и хорошенько отдохнуть. На вашем месте я бы отправился одним из тех путей, которые я вам обрисовал. Близь Мокеевки вас будет ждать лагерь со всем необходимым. Там меня и ждите. Ну, это относится к тем, для кого ориентирование в лесу не помеха.

– А как же покушать? – спросил Конопат – кто о чем, а здоровяк всегда о еде.

– В лагере еды полно. А по пути можете заходить в крупные города и деревни. Наместники и большаки с радостью приветят вас. Если выполните их небольшие поручения, конечно. А не выполните, так можно и поголодать. Пара дней без еды еще никого не убила.

Глаза здоровяка округлились. По его вытянувшемуся лицу все поняли, что он вполне способен стать первым, кого погубит даже день без пищи.

– Да не беспокойся ты. Грузы перенести в любом граде надобность имеется. Без еды не останешься, – хлопнул его по плечу Шестерён. – Как и я не останусь без работ мастеровых и починочных.

Он похлопал себя по широкому поясу, в который был вделан небольшой набор инструментов – Шестерён никогда не расставался с ним, даже в баню с собой брал.

– Ха-ха, – Ярополк был несказанно рад. – Кто со мной к Владимирскому посаднику?

И с ухмылкой глянул на Любимку, мол, зри, какой я продуманный. Благородные мне подчиняются, а не княжичу. Любимка фыркнул и отвернулся. Вот ещё, всяким лентяям станем завидовать. Держи карман шире.

Димитрий о чем-то быстро говорил Остапу, тот кивал, показал большой палец и снова кивал. Лексий был задумчив, Сойка молчалива. Настенька привычно уже придвинулась к Науму. Клоп и Неждан – к Несмеяне. Любимка с удивлением наткнулся взглядом на серого неприметного парня в кожаных ботинках. Неклюд настолько нелюдим, что все постоянно забывают о его существовании. Вот и теперь парень выдохнул с облегчением, поняв, что дальше можно будет топтать в одиночестве.

Матфей проверил небольшие походные гусли. Он тоже не потеряет от испытания волей, а, пожалуй, даже приобретёт.

– Ну, все, – сказал Стоян. – Я вас покидаю. На всякий случай к каждому будет прикреплен любимец. Так что ничего не бойтесь и не дурите. Помните, что вы – тягатели, а это обязывает. Пока!

Пуф! Он исчез.

– Да! Вперёд! Мечи-калачи! Испытание волей! Я буду первым! – заорал Любимка и рванул в лес.

Остальные тягатели переглянулись.

– По-моему, наш Любим не совсем понял суть испытания, – проговорила Сойка.

– Я б даже сказал, что совсем не понял, – загоготал Ярополк. – Одно слово – холоп!

– На то она и воля, – сказал Шестерён. – Каждый поступает, как знает...

***

Любимка уверенно вбежал в лес, сперва потопал по одной тропке, потом по другой. Наткнулся на ручей, чтобы не намочить ноги, повернул назад, но запутался и окончательно потерялся. С размаху выскочил на полянку, потом снова в лесок, пересёк неглубокий овраг, едва не запутался в кустах. Когда выбрался в более-менее свободное пространство, где по крайней мере ветви за шиворот не лезли на каждом шагу, вдруг понял, что не знает, куда идти.

– Эй! Кто-нибудь! – закричал и осёкся – обидно признавать, что заблудился. – Это так и задумано, – сказал сам себе. – Это я сам так решил, да. Это моё проявление воли!

Ему вдруг самому стало смешно: «Один посреди леса – перед кем красуешься?» Он огляделся.

Вокруг девственный лес. Деревья стоят с ровными стволами, покрытые мхом. Лапы раскидистые, пушистые, под ними целые лабиринты – заблудиться можно. Ровно в сказку попал. Того и гляди леший покажется или Баба Яга.

«Три дня – это бездна времени, – подумал он. – И никого кругом. Это же... это... Скуотища какая!»

Ни разу в жизни не оставался один. Все время рядом кто-то был. Ребяшня из приюта, братцы – монахи, настоятель. Когда выбирался в город по поручениям батеньки и вовсе попадал в настоящую круговерть народа.

И вот он в лесу один. Прислушался к себе. Очень странное ощущение. Немного жутковатое, но и приятное. Будто открыл для себя нечто новое, доселе неизведанное, и это нечто может помочь ему стать сильнее и чище.

Из леса донёлся шорох, как будто его кто-то преследовал.

– Кто здесь?

Любимка принял боевую стойку.

– Хи-хи, – из-за ветвей вышла Настенька. За плечами удобно сидел плотно набитый, пахнущий травами мешок размером едва ли не крупнее самой девушки. – Ох, городские жители. Как же можно в лесу заплутать?

– Ничаво я не заплутал! – покраснел Любимка. – Я это... просто прогуливаюсь. – Он растопырил руки и важно прошёлся по лесу. – Воздухом дышу. Воздух чистый, он, знаешь, как полезен. Ух, просто!

– Будто мы все эти дни не дышали!

Настенька звонко рассмеялась. Любимка заслушался – впервые её голос звучал в полный рост, не приглушенный застенчивостью. Девушка взяла его за руку и подвела к ближайшей ели.

– Ты ходишь кругами. Почти вернулся к тому месту, где мы начинали. Вот, гляди. Ветка сломлена, слом свежий. Значит, здесь недавно был кто-то из наших.

Любимка поглядел на ветку, потом на Настю.

– А может, это зверь какой?

Девушка опять засмеялась. Любимке была приятны её звонкие колокольчики.

– Следов шерсти нет, значит, шёл не зверь, а человек. А вот сюда взгляни. Вот отметины от сапогов Лексия, я их запомнила, ещё когда за ним шла. А вот Сойка – она немного носки внутрь ставит, и сапожки у неё махонькие, аккуратные. Это вот ножищи Остапа – он как лось ломился. А вот Димитрий – у него сапоги дорогие, подкованные серебряными гвоздиками. А это уже Наум... – девушка встревоженно осмотрела следы, потом глянула туда, куда они идут. – Опять не туда свернул. А ведь я ему указала путь...

– Мечи-калачи! Ну ты, Наська, и даёшь! И это все ты видишь прямо здесь?! Я в жисть того не увижу!

Девушка так и зарделась, позабыв о Науме.

– Нечего тут такого нет! – раздался грубый голос. – Девка всю жизнь в лесу провела, пням молилась, в ручьях мылась. Она просто обязана в этом разбираться и нам помочь. Ведь мы соратники, товарищи и всякая прочая – так князь говорил. Показывай, куда топтать!

Из леса вышел Ярополк, весь оцарапанный и в хвое. Настенька сразу сжалась и замолчала, опять превратившись в тихую и неприметную девчущку.

– Мечи-калачи! Ничего она тебе не должна! – набычился Любимка. – А ты чево не со своими бла-агородными?! Никак бросили тебя?

Сын воеводы поморщился.

– Остапа потянуло на соревнования. Сказал – кто скорее до Владимира доберётся, тот молодец, и был таков. Но если Наська мне покажет, я ещё и первым стану! Так что, девка, давай! Помоги мне!

Ярополк радостно потёр ладони. Настенька сразу поникла и сжалась. Любимка нахмурился, глубокие морщины легли на гладкий лоб.

– Мечи-калачи! Дядька Стоян чётко сказал – испытание волей! Понял, дурья твоя башка? Не станет тебе Настя помогать! Нет на то её воли! Понял?

Ярополк не успел рта раскрыть, а он уже повернулся к маленькой травнице.

– Наська, ступай. А мы как-нибудь сами.

Девушка недоверчиво вскинула глаза.

– А как же ты?

– Ступай-ступай, – грубовато оттолкнул её отрок. – Нечаво нас жалеть. У нас ещё целых три дня!

– Что?! Нет! – заволновался сын воеводы. – Я с этими лесами не знаком, я заблудиться могу, Настя!

Любимка заступил ему дорогу.

– Не заслужили мы её помощь. – Настенька улыбнулась, кивнула и исчезла в лесу. Ярополок попытался обойти Любимку, но тот вцепился в него, как клещ. – Неча за ней идти. Сам дорогу ищи!

– Дурень! Трудности на свою голову ищешь.

– Нечаво на чужом горбу ездить! – отбивался отрок. – Свой займей и езди.

Он отпустил сына воеводы. Тот кинулся в лес туда, где исчезла травница.

– Наська! Ты где! Ух, получишь у меня!

Девушка, конечно же, не отозвалась. Княжич зло сплюнул.

– Дурило! Не ходи за мной!

И скрылся в лесу.

– Вот ещё, – буркнул Любимка. – Побежал! – Шаги сына воеводы затихли, а Любимка вновь остался один. – Ну что, поглядим, куда меня выведет... моя воля!

И он уверенно зашагал по лесу в противоположную сторону.

***

На Мокеевку ровными рядами шагали пёсиглавцы. Их мускулистые тела топорщились ключьями рыжеватой шерсти, поблёскивали злые собачьи глаза, влажные клыки белели в оскаленных пастьях.

Прутик стоял на деревянной стене и сжимал рукоять настоящего боевого меча.

– Ничего, Тишка. Отстоим деревню. Защитим. Обороним.

Пса видно не было, но отчего-то мальчик ощущал его присутствие.

– Рау-рау-ра! Рау-рау-ра! – порывивали пёсиглавцы. Они высыпали из леса двумя рыжими потоками, стремительно затопили свободное пространство у ворот деревни.

– Я готов! – Прутик шибче сжал меч. – Я встречу вас! Приму! Привечу!

– Эй! Ёшки-матрёшки! Ты чего творишь, малявка!?

Мальчик не сразу понял, что голос звучит снизу и обращается к нему.

– Идите сюда! Скачите! Бегите! – яростно крикнул он, глядя на приближавшихся пёсиглавцев. Кончики лаптей зависли над пустотой. Прутик вяло удивился. Стена как будто преобразилась. Перед ним больше нет надёжной опоры, только бездна и пёсиглавцы далеко внизу.

– Мечи-калачи! Слазь оттудова, дурилка с бодогом! Свалишься, мне тебя не пымать!

Да что же это?! Прутик нахмурился и попытался сорвать с лица нечто мешающее. Словно в паутинке запутался. Пёсиглавцы подбирались все ближе, но с мечом что-то случилось. Он и правда оказался обыкновенной палкой.

– Да что же такое?! – возмутился Прутик и шагнул вперёд. Снизу раздался тоскливый визг Тишки, и мальчик полетел.

– Грохнулся-таки!

Перед внутренним взором Прутика полыхнули огромные зелёные глаза. «Тяга последнего вздоха!» – прогрохотали слова.

Тяга! Последнего! Вздоха!

С мира будто сдёрнули пелену. Дерево, листва, вниз уходит гладкий ствол и теряется в страшном буреломе. И он – Прутик – завис над всем этим, распластав по воздуху руки. Внизу, словно пасть огромного чудища, ощетинились острые сучья. «Если я на них упаду, – сверкнула

мысль, – наколет, как жука на иглу!» Страх ожёг плетью, пальцы ухватили листву, но тело уже налилось тяжестью и летело вниз, ускоряясь.

Тяга последнего вдоха! Холодный смех, способный заморозить жарким летом крынку с водой.

– Мечи-калачи! Чтоб тебя!.. – отчаянный крик. В кучу сучьев одновременно влетело два живых существа: Прутик сверху, светловолосый парень сбоку.

Бах! Светловолосый выбросил вперёд руки, словно пытался поймать муху, да впустую хлопнул в ладоши. Бабах! Завал сучьев раскидало в стороны, бац! Прямо в середине расчищенного пространства распласталось тельце мальчика. Дыхание выбило из груди, свет померк в глазах, отчего ярко вспыхнули звезды. Но не те, что на небе. Звезды хороводили внутри его расколотой головы.

Сверху на него набросился визжащий лохматый комок, горячий влажный язык прошёлся по лицу и слизнул текущую по губам кровь.

– Эй, малявка. Ты как? – раздался голос. Над Прутиком склонилось тревожное лицо. Мальчик боялся пошевелиться, но язык Тишки лез в нос, спешил обшарить лицо.

Пчхи! Прутик чихнул и машинально сел. Надо же, получилось. Мальчик сглотнул кровь и недоверчиво тронул затылок.

– Я жив?! Цел?! Не сломан?!

– Не знаю, как телом, но умом ты явно поломался ещё до падения. – В голосе отрока беспокойство. – Забрался на ёлку, отпустил ствол и стоит на суку, бодогом машет. И ведь не просто на ёлку – какой бурелом внизу. – Любимка оглянулся на стену сучьев, которая была совсем рядом. – Зато я каков, – отрок поглядел на свои руки. – Кажись, земная тяга сработала. Первый раз. – Он вскочил и хлопнул в ладоши. – Ещё раз! Ну же! – Остатки сучьев остались недвижимыми. – Ёшки-матрёшки, вот всегда так, – огорчился отрок и вернулся к мальчику. – Ты откуда такой? Напомнил мне людей-марионеток. Их один злой человек заколдовал. Они тоже творили то, что им непотребно было. Зелёный Сглаз та магия зовётся...

Зелёный Сглаз.

Перед внутренним взором Прутика полыхнуло. Зелёные глаза на худом бледном лице. Огромные, ядовитого неестественного цвета. С темными прожилками. А потом они взяли и открылись.

Как может открыться то, что уже открыто?

Может!

– Эй! Прекрати закатывать глаза! – Любимка ухватил мальчика за плечи и потрянул как следует. Клацнули зубы. Зелёные глаза исчезли из головы Прутика, вместо них на него смотрели синие, любопытные и пытливые.

– Ты чего меня трясёшь, дёргаешь, толкаешь?! Я тебе не трещотка!

Любимка отпустил его и подозрительно пригляделся:

– Кажись, попустило. Ну, здорово. Меня Любимом кличут. Я – тягатель, иду в Запретельный лес на главное испытание.

– А меня – Прутиком, – ответил мальчик, озираясь. – Где это я?

– Вот дурья твоя башка, – вскричал Любим. – Ты где-то между Москвой и Мокеевкой. Прости, точнее не скажу. – Он смущённо потёр затылок ладонью. – Я, это, заблудился чуток. Ёшки-матрёшки. Плутаю. – Но тут же спохватился. – Нет. Я прохожу... как это?.. А, испытание волей! Да.

С тех пор, как дядька Стоян отпустил их в лес, прошли уже сутки. Это наполняло Любима беспечностью: «Уж что-что, а за два дня дорогу я точно отыщу». Путешествовалось ему радостно. Воду он брал из ручьев и лесных речек, ел ягоды и грибы. Разговаривал сам с собой, а также с деревьями, с травой, с птицами. Один раз встретил оленёнка и рассказал ему о своей мечте. В огромных оленьих глазах только стало появляться почтение и желание

подражать, как пришла мамаша малыша, грозно опустила рога и скакнула прямо на него, едва унёс ноги. Зато попал сюда, к дереву, на котором стоял, опасно качаясь, этот мелкий дурной мальчонка.

– Какой-то странный ты тягатель, – проговорил Прутик, оживая на глазах. – Всегда думал, что тягатели – это почти готовые богатыри. Да и постарше должны быть. Ты же почти, как я...

– Ёшки-матрёшки! – взвился Любимка. – Ты сейчас договоришься тут, получишь по голове своей пустой. Ежели хочешь знать, мне уж, почитай, четырнадцать вёсен.

– А мне двенадцать. Я тоже готов в тягатели. Где принимают?

Прутик уже позабыл, как свалился с дерева. Вскочил, глядя на Любима. Тишка залился звонким лаем, радостный, что с хозяином все в порядке.

– О, наш человек, – Любимка тут же оттаял. – Я тебя с каликами сведу. Они в миг в тебе земную тягу отыщут... – Он запнулся, но тут же продолжил: – А ежели не найдут, все равно надо верить. Потому что, знаешь, как Святогор говорил? Невозможное – возможно! О как!

И столько света было в его глазах, такая уверенная улыбка на лице, что зелёные глаза окончательно скрылись в глубинах памяти Прутика. Ребята беспечно расхохотались.

– Уря! Я стану богатырём! Обязательно стану! – кричал Прутик.

– Станешь! Да! Станешь! – вторил ему Любимка. Под ногами залиvisto лаял Тишка.

Они так расшумелись, что птицы снялись с ближайших деревьев и полетели подальше, а семейство белок всерьёз задумалось бросить дупло с припасами и податься на поиски нового, подальше от этого шумного места. Когда выяснили, что Прутик из Мокеевки, тут же было решено добираться туда вместе. Он уверенно указал направление и пошёл.

– Эй, а почему именно туда?

– Ну, деревня на востоке, мы на западе. Это каждый охотник знает, – удивился мальчик. Любимка обиженно примолк. Любо́й охотник, тоже мне.

– Ёшки-матрёшки! А ты охотник уже, что ль? – не утерпел.

– Я – нет, – вздохнул Прутик, – мы с Тишкой больше по грибы, по ягоды. И бортничаем. – Глаза его просияли: – Да! У нас же есть Тишка! Он нас доведёт.

– Точно? Мечи-калачи, как я сразу не подумал! – Любимка хлопнул себя по лбу и рассмеялся.

Это было самое чудесное испытание из всех, какие выпали на его долю в школе богатырей. Ребята беззаботно шли по лесу, разговаривали, хохотали во все горло. Постоянно вспыхивало соперничество. То пытались сбить шишками осиное гнездо, то прыгали через широкий ручей, то наперегонки забирались на крутые склоны. Тишка участвовал во всех забавах, скакал, счастливый, и весело лаял.

Вечером у костра Любимка принялся рассказывать былины о богатырях. Тут уж Прутика было не унять. Он слушал с широко распахнутыми глазами и постоянно просил: «Ещё! Ещё!»

– Как же я мечтаю о такой жизни! Все время в подвигах. Послужить Святогоровой Руси. Как Микола Стародуб.

Любимка так и подскочил.

– А я его знаю! Вот как тебя видел!

– А я его тоже видел, – так же точно подскочил Прутик. – Он через нас проезжал. Такой огромный!

– И сильнющий!

– А коняга у него! Нам конюшню своротил, боком решил почесаться!

– А нас с Варькой чуть комками земли не зашибло, как он с места – в галоп!..

В тот момент они почувствовали небывалое душевное единение. И у Любимки, и у Прутика не было семьи. Обоих воспитывали чужие люди, которые сделались для мальчуганов вторыми отцами. Они ощутили себя так, будто встретили давно потерянного брата, с которым к тому же общие интересы и взгляды на жизнь. Они говорили и не могли наговориться. Сидели

под раскидистой сосной на опушке леса. За спиной шумел сосняк, перед ними клонилась от ветра рожь. А над этим крупными кристаллами на тёмно-синем бархате лежали звезды. Костер догорел и рассыпался горсточкой угольков. Любимка отвалился назад, глядя на небо.

– Хорошо! Как будто мы с тобой уже матерые герои, сидим у небесного костра и глядим вниз на беспутную молодёжь и хихикаем в седые бороды...

Он показал пальцами, какая у него борода. Прутик захихикал. Любимка вдруг посерьёз-
нел.

– Обещаю тебе – ты станешь богатырём. Я помогу. Поговорю с каликами, сам тренировать стану. Вот увидишь, так и будет.

Прутик глядел на него широко распахнутыми глазами. Любимка видел в них своё крохотное отражение. Тишка вильнул хвостом – он ни капли не ревновал хозяина к новому другу. Тем более что от того тоже пахло собакой.

Тишка не подвёл ребят – на следующий день они добрались до Мокеевки.

Сказ 9 – Мокеевка в опасности

Костяй пробирался меж толстых стволов железного дерева. Хоть и старался поспешать, но и приглядываться к окружающей обстановке не забывал.

Странная пара оставила за собой легко различимый след. Звероватый пёр чётко на восток, не заботясь ни о маскировке, ни о скрытности. Прямой след отклонялся, только когда на пути попадался особо толстый ствол.

Маленький мечник оставлял куда меньше следов, но и здесь Костяй время от времени видел зарубки на коре деревьев, где диву приходилось перелетать поваленное дерево или рубить особо густые заросли.

– Кто же вы такие? – бормотал богатырь.

Он понимал, что не может отлучаться из деревни слишком далеко, но и оставить инцидент без внимания, было не в его правилах. «Начну докладать, дескать, странные люди шли через деревню. А меня спросят – чего не остановил? А я чего ж?! Бе, ме – не получилось! А они – стар стал Костяй!» От таких мыслей делалось жарко, и он летел вперёд все скорее и скорее. Но след не становился свежее, а деревня была все дальше. А если в моё отсутствие на них ещё кто-то нападёт?

Костяй резко затормозил и встал. Отчего такая простая мысль не пришла к нему раньше? А если эти двое вели себя так вызывающе только для того, чтобы выманить его из Мокеевки?! Вернусь, а там одни руины?

Сердце оборвалось в груди. Теперь совершенно точно знал, что так оно и есть. А я то, дурень, попался! Надобно скорее возвращаться! Иначе быть беде!

Впереди раздался шум. Костяй нахмурился. Что такое? Беглецы наверняка уже далеко, кроме них здесь не должно быть ничего опасного.

Шум становился громче, земля стала подрагивать, меж стволов пронёсся ветер. Приближалось что-то большое.

Богатырь оглянулся. Что за день такой? Одна напасть сменяет другую. Но теперь уйти уже нельзя. Надвигающаяся опасность грозит и деревне, а защищать деревню – его непосредственная обязанность.

Сзади хрустнула ветка. Костяй хотел повернуться, но в спину будто воткнули кол. Руки, ноги окаменели, глаза расширились, да так и замерли. Словно статуя самому себе, Костяй упал в траву. Распахнутые глаза глядят на кроны деревьев.

Над поверженным богатырём склонилась фигура в тёмном воронёном доспехе. Чутко прислушалась. Дрожь приближалась. Холодные глаза из-под тёмного плато удовлетворённо мигнули.

Вжух! Воронёный исчез. Грохот и дрожь приблизились, кусты раздвинулись, на поляну высунулась огромная косматая морда.

Богатырь слабо шевельнулся, но злоумышленник отыскал верные точки воздействия. Земная тяга застопорилась, а вместе с ней отказалось двигаться и тело.

– Вот и смерть моя пришла, – проговорил Костяй.

А потом всю его сущность заполнил страшный рёв.

***

– Ты точно не зайдёшь? – печально спросил Прутик.

– Нет! Мне надобно на место встречи топтать, – отвечал Любим. – Сегодня уже третий день. Воля волей, а богатырём стать мне хочется больше, чем бездельничать.

Ребята стояли у западных врат Мокеевки. Пространство вокруг деревянной стены очищено от леса и выкошено. Ветер гулял барашками по траве, дорога покидала лес и петляла по полю, огибая одной ей известные препятствия.

Гридень, который попался им ещё в лесу, рассказал, что тягательский лагерь расположился чуть поодаль от деревни напрямиком к северо-востоку.

– И много ли там народу? – ревниво запыхтел Любимка.

– Да немало, – пожал плечами гридень, коротко обритый парняга в кольчуге и при мече. – Я всех не видал, токмо тех, кто в деревню заглянул.

– Здорово, – Любимка обрадовался. – Это значит, дядька Стоян тянуть не станет, может быть, даже уже сегодня в Запредельные леса выйдем...

– Я бы тебе дом показал, мечи деревянные... – смущаясь, говорил Прутик.

– Зайду. Обязательно зайду, – сказал Любимка, ероша его волосы. – Я же обещал, что помогу тебе с богатырством.

– Но когда?

– Ёшки-матрёшки. Вот пройду испытание, сделаюсь богатырём, так сразу и приду. Это скоро. Почитай неделька, не боле.

Любимка рассмеялся и присел погладить Тишку.

– Хороший мальчик. Хороший. Приглядывай за ним.

Пёс бодро тявкнул. Любимка рассмеялся.

– Ну, все. Прощай, Прутик. Помни – у тебя все получится.

Прутик долго стоял и глядел в ту сторону, куда ушёл новоприобретённый друг. Потом вздохнул и потопал в деревню.

***

Стоян провёл эти дни в уединении в лесной избушке, которая была построена вдали от наезженных дорог и крупных путей. Она как раз располагалась посреди предполагаемого пути тягателей от места начала воли до лагеря у Мокеевки.

Избушка была маленькая и уютная: просторная горенка, небольшое оконце и большая печь. Дрова в таких тайных местах готовились заранее, как и припасы, принесённые богатырями, обеспечивавшими тягателей едой. Наставник мог спокойно передохнуть, не заботясь о житейских заботах.

Вытащив на крыльцо большую лавку, он растянулся на ней, прикрыл глаза и дремал. По крайней мере так это выглядело со стороны. На деле Стоян следил за округой глазами своих любимцев.

К испытанию волей все тягатели отнеслись по-разному. Кто-то, как Неклюд или Лексий, были рады одиночеству. Первый по своей натуре, второй – по гордости. Нелюдимый парень потратил своё время на очень медленное путешествие, выбирая те места, которые не встретишь на карте хожёных путей. Прошёл очень близко от Стояновой избушки, но ничего не заметил.

Лексий за это время успел набрести на шайку разбойников. Они оказались благоразумными и нападать на странного одинокого путника в лесной глуши не стали. Правда, главарь и двое его подчинённых оказались дивами и посчитали, что этого достаточно, чтобы справиться с любым сюрпризом от незнакомца.

Не справились. Стоян покачал головой и поцокал языком. Лексий отлично воспользовался возможностью показать себя. Шайка отправилась дальше с новым главарём, а Лексий направил стопы в ближайший город – сдать трёх лиходеев. Это Стоян тоже оценил. Отличное ориентирование в незнакомых лесах.

Сын Алёши обменял дивов на гривны, и дальнейшая прогулка сделалась более цивилизованной и менее скучной. Стоян перестал за ним следить. Этот не пропадёт.

Остап, Димитрий и Матфей отправились напрямиком во Владимир. Чуть позже к ним присоединился Ярополк, весь в колючках и злой. Посадник и правда был старым товарищем воеводы Стойгнева и принял тягателей по высшему стандарту. Правда, интересовали его больше не сынуля воеводы, а княжич Тмутаракани, атаман из Сечи и гусяр из Новгорода. Все они были одарены богатыми подарками, а вот сына друга он как-то обошёл, с чем Ярополк, скрипя

зубами и скрепя сердце, вынужден был смириться. Зато все четверо отправились в Мокеевку верхом на отличных конях, которые одолжил им посадник.

Несмеяна путешествовала вместе с Клопом и Нежданом. Стояну показалось, что девица даже не заметила перемены. Есть рядом наставник или его нет – какие пустяки. К этой троице Стоян заглядывал чаще других и все время прикидывал в уме – успеет ли добраться до них, случись непоправимое. Он и в избушке этой сидел только из-за сильномогучей тягательницы. Ну и из-за Любима с его темной волной. К счастью, пока его вмешательство не требовалось.

Настенька, Болтя и Конопат провели вольные дни в лесу. Девушка одна, юноши вдвоём. Все трое чувствовали себя здесь, как дома. За них наставник совершенно не беспокоился.

Какое-то время следил за Сойкой. Грешным делом думал, что она и правда отправится разбойничать. Девица разыскала одну из ближайших шаяк, за которыми долго гонялись местные гридни. Но, в отличие от Лексия, она обезвредила всю группу, получила за это гривны, да ещё успела разыскать Настеньку. Последний день они провели вместе, разговаривая о парнях, травах и свисте.

Шестерён предпочитал города лесам. Уже издалека он примечал мельницу, ветряк или просто какое-нибудь строение посложнее и отправлялся к хозяевам. Проблемы были всегда, даже если хозяева об этом сперва не подозревали. Тульский тягатель ремонтировал и улучшал столь самозабвенно, не прося за это платы, что его буквально заваливали подарками и благодарностями. А жены хозяев считали своим долгом накормить этого шибко умного, но худощего мальчика.

«Этот тоже не пропадёт, – решил Стоян. Но будет чудом, если доберётся до лагеря вовремя. Заодно и поглядим на его способность планировать».

Наум предпочитал крупные деревни. Большаки хорошо принимали путников, которые умеют красиво и грамотно написать послание. Толстоватый тягатель обрабатывал писарем, за что его кормили и давали переночевать.

Вот это хорошо. Наум справляется без Настеньки. А один раз он даже отбил от местных парней, что решили проучить неместного.

Любим, как всегда, удивил. Сперва щебетал и скакал по лесу, будто дурная птаха. Ориентировался он отвратительно и в первый день скорее отдалился от места назначения, нежели приблизился. Но по крайней мере не голодал – судьба всегда посылала ему ручеек с ключевой водой, орешник или малинник. Один раз нос к носу столкнулся с косолапым. Испугались оба, даже слегка подрались. Но Любим не был бы собой – уже через полчаса он подружился со зверюгой, и они продолжили уплетать ягоды, разве что не пихаясь боками.

Стоян улыбнулся и покачал головой. А потом парень умудрился спасти мальчишку из деревни, который себя очень странно вёл. Стоян было задумался, с чего бы парню забираться на дерево и сигать вниз, но у Несмеяны испортилось настроение, и следующие два часа он наблюдал только за ней. Когда вернулся к Любиму, у них была тишь да гладь. Ребята сдружились и весело топали в сторону Мокеевки. Вёл их пёс мальчишки.

«Вот ведь, – подумал Стоян. – Опять вывернулся. Один бы ни за что не отыскал правильный путь».

На третий день убедился, что все потихоньку приближаются к цели путешествия, и сам решил переместиться в лагерь. Там удача изменила ему – явились Фрол и Болт.

Урядник сунул ему бумагу, по которой он имел право наблюдать за испытанием тягателей. Подпись и печать князя не вызывала сомнений. Стоян решил, что к добру это не приведёт, но сделать ничего не мог. После этого спокойная жизнь Стояна закончилась.

- Мне нужен нормальный шатёр, а не эти еловые убожества!
- Ничем помочь не могу, лагерь рассчитан только на тягателей.
- Где у вас тут удобства?

– А за любой ёлкой, удобств – целый лес. А большего тягателям не положено, дабы не было изнеженности и – как следствие – морального разложения.

– А что у нас на обед?

– Суровая тягательская каша. Мы не можем себе позволить вкусных блюд из Восточной империи. Сколь нам гривен выделили, столько и покупаем...

В конце концов, урядник отправился в Мокеевку и долго не возвращался. Стоян уже начал надеяться, что Фрол успокоился, но из деревни пришли мужики и принялись расставлять каркас просторного шатра.

Когда явились первые тягатели, Стоян готов был возблагодарить небеса – наконец-то Фрол мог обратить своё неуёмное внимание на кого-то, кроме него. А потом он заметил, что урядник ждёт кого-то определённого. Каждый раз, когда кто-то являлся из леса в лагерь, он выходил из шатра. Лицо его делалось равнодушным, и он возвращался назад.

– Уж не Любимку ли ты ждёшь? – прищурился Стоян. – Вот не было печали.

Любимка явился последним, и сразу же случилась непредвиденная ситуация.

***

Лагерь тягателей располагался в версте от деревни. О том, что впереди большое скопище людей, говорило множество признаков. Даже Любимка видел это: среди елей протоптаны заметные тропы – сразу видно, что тащили валежник и какой-то другой груз, за полверсты услышал стук топора, потом потянуло костром и похлёбкой.

Первыми встретил Конопата и Болтю. Белоросские тягатели целеустремлённо ходили меж деревьев и смотрели под ноги.

– Здорова! Потеряли что?! – выпрыгнул на них Любимка.

Конопат расплылся в добродушной улыбке, Болтя клацнул зубами – у него не понять: то ли рад, то ли злобствует. Ближе к лагерю встретил Сойку. Синеволосая девица брела без цели и о чем-то сосредоточенно думала. Увидав Любимку, нахмурилась и скрылась в ближайших кустах.

Лагерь состоял из десятка шалашей, сложенных из длинных жердин и еловых лап. Посреди из камней выложен большой очаг, в нем весело потрескивал огонь. На рогатинах висел большой котёл, внутри что-то булькало. Запахи такие, что рот наполнялся слюной.

Кашеварили Клоп с Несмеяной. Неждан вился рядом, ревниво вздыхая. С другого края костра Настенька разложила на просушку собранные травы.

– Ребята, здорово! – закричал Любимка. – Ёшки-матрёшки! Как давно вас не видел, соскучился!

Несмеяна, не глядя на него, тяжело вздохнула, Клоп татакнул, а Неждан оживился. Видать, маленькому тягателю скучно было с этой молчаливой парочкой. Настенька улыбнулась ему и вновь занялась травами.

– Где был, чего видел? – спросил Неждан, явно предполагая долгий разговор.

– О, я нового друга встретил! Во такой парень! Богатырем будет...

Из-за ближайших деревьев доносился стук палок. Хохотал Остап и оправдывался Ярополк. Что-то язвительно проговорил Димитрий.

– А это чего за странный шатёр? – насторожился Любимка. – На дядьку Стояна не похоже, он у нас не неженка...

– Проверяющий какой-то явился, – отмахнулся Неждан и хотел продолжать прерванный разговор, но Любимка уже топал к шатру.

– Может, это Листок? А то и вовсе... – в груди сделалось тепло. Хоть и не вспоминал ее ни разу, но вдруг понял, что соскучился, – ... Варвара.

С другой стороны шатра доносились голоса. Любимка прислушался.

Какой знакомый голос! И совсем не Варварин... Нет! Только не это! Этого не должно быть!

Чтобы окончательно увериться, обогнул шатёр и осторожно выглянул.

Так и есть. У входа стоял урядник Фрол: как всегда в темных одеждах, лысая голова на белом воротнике-гармошке, как на блюде, лицо высокомерно кривится.

Перед урядником стоял Стоян, а Фрол отчитывал его, как провинившегося ученика.

– Это что такое?! – яростно кричит урядник. – Вам доверили ценность, вы оставили её без присмотра!

Стоян нахмурился.

– Я первый наставник, меня назначил на эту должность князь московский Александр, я сам буду решать, как мне поступить.

– А меня назначил наблюдателем. И я вижу, как тут у вас поставлена безопасность. Куда пропал Костяй? Разве он не должен присматривать за этой частью Запредельного леса?

– Костяй присматривает за Мокеевкой. Он даже не входит в команду организаторов испытаний.

– И где же он?

– Через деревню шли странные люди, он отправился в Запредельный лес, чтобы проверить... – Стоян запнулся.

– Коли он отвечает за деревню, какое дело ему до леса? – прищурился Фрол.

– Костяй – не мой подчинённый, и я не вправе оценивать его действия. Если тебя что-то смущает, обращай к Буслаю – первому богатырю.

– В данный момент меня смущает безопасность тягателей. А отвечаешь за неё именно ты!

– Безопасности тягателей ничто не угрожает. Все уже собрались в этом лагере. Сегодня подведём итоги, завтра двинемся дальше в...

– Запредельный лес, – закончил за него Фрол. – Место, где только что пропал старший богатырь.

«Что? Пропал старший богатырь?» – Любимка наострил уши.

– Я думаю, что он скоро вернётся. Костяй – не молодой богатырь, за ним не водится легкомысленности и разгильдяйства.

– Вот именно, что Костяй – не молодой богатырь. Он очень ревниво относится к своему уровню на фоне талантливой молодёжи. На этом его можно подловить и спровоцировать на глупости.

– Кому это надо? Запредельный лес безопасен и...

– Хм, дай подумать, – картинно задумался урядник. – Может быть, это те двое, за кем он пошёл? Или, может, быть это... Вий!

Глаза его сверкнули. Стоян нахмурился.

– Мне сказали, что Вий потерял силу и не может быть опасен.

– Ага, я тоже слышал эти сказочки, – каркнул Фрол язвительно. – Неужели ты в них веришь? Как можно не опасаться одержимника, который, даже утратив большинство сил, способен так отвести глаза богатырям, что они напрочь его не замечают?

Было видно, что Стоян озаботился. Он нахмурил брови и запустил руку в бороду. Волоски захрустели под ногтями. Урядник скривился, как от зубной боли, но терпел, не мешал наставнику мыслить. Стоян хмурился все больше.

– Безопасность леса обеспечивает достаточное число богатырей. Они ушли туда заблаговременно и должны были устранить все возможные препятствия.

– Они ждали опасность из леса, Вий пришёл из княжества, – Фрол сменял тон на деловой. – Коли обмишурился – князь нас обоих по головке не погладит.

– Что предлагаешь? – голос Стояна тоже поменялся. Теперь перед Любимом было два служилых человека, которых объединяли общие интересы.

– Болта от себя отпустить не могу, – проговорил урядник с едва заметной улыбкой. – А вот побыть здесь, пока ты разыщешь Костяя, мы готовы. Правда, Болт?

Любимка вздрогнул. Со своего места не видел воронёного, а тот никак не обнаруживал себя все это время. Не ответил он и теперь, но у Любима возникло стойкое ощущение, что за ним кто-то наблюдает.

Стоян хмурился, скребя бороду ногтями. Фрол кривился, но терпел. Даже у Любима от этого звука разнылись зубы.

– Хорошо, – проговорил Стоян. – Я разыщу Костяя. Все равно не собирался двигаться дальше раньше завтрашнего утра. – Фрол заулыбался. – Тем более что я уже отправил следом любимца, – добавил Стоян.

Улыбка застыла на губах урядника.

– Э-э. И что же он видел? – осторожно спросил он.

– Ничего, – ответил богатырь, думая о чем-то своём. – Расстояние слишком велико. Я не могу поддерживать в нем высокую скорость.

Любимке показалось, что Фрол облегчённо выдохнул. Урядник смотрел на первого наставника и добродушно улыбался. Пряма душа. Совсем не похоже на того Фрола, который гневался и ругался минуту назад. Подозрения Любимки усилились.

– Добро, – сказал Стоян. – Я проверю лес, если твой Болт приглядит за тягателями. Что бы ни случилось, они не должны покидать лагерь.

– А вот это сам им скажи. Мы не вправе командовать тягателями. Сам знаешь – большинство из них даже не из нашего княжества. Я для них просто злобный дядька...

Урядник противно хихикнул – после согласия Стояна у него явно улучшилось настроение.

– Добро, объявлю. Так и правда будет лучше.

Любимка торопливо выбрался из кустов и кинулся назад в тягательский лагерь.

Стоян уже был там.

– Внимание, тягатели! Подойдите сюда!..

Со всех сторон стали собираться ребята. Болтя и Конопат вернулись из леса, остальным достаточно было выйти из шалашей.

– ...Ага, и Любим здесь, – сказал Стоян, глянув на отрока. – Объявляю перерыв до завтрашнего утра. Отдыхайте, тренируйтесь, собирайтесь с мыслями. Завтра мы вступаем в Запредельный лес, а это потребует от вас полного напряжения сил и дум. – Он обвёл их пристальным взглядом. Любимка едва удержался, чтобы не показать, что он знает, о чем думает дядька Стоян. – Сегодня я отлучусь из лагеря. За вами присмотрит урядник московского княжества Фрол и его охрана. Правило одно: от лагеря далеко и надолго не отлучаться. Кто ослушается, вылетит из тягателей раньше, чем скажет слово «цапля». – Тягатели переглянулись и зашумели, но наставник их уже не слушал. – Всем ясно? Приступаем к выполнению.

В последний раз глянув на тягателей – пуф! – он исчез. На его месте остался сидеть Глиняша. Он взобрался на шест самого высокого шалаша, который стоял в центре – Шестерён уже надстроил ему второй этаж – и демонстративно уселся там, зыря на них рубиновыми глазками.

Любимка не мог найти себе места. Отправился напрямиком к Науму с Настенькой и сходу начал рассказывать им свои подозрения. Травница испуганно глядела распахнутыми глазами, а Наум рассудительно заметил:

– Первый наставник на то и первый, чтобы его так просто провести нельзя было.

– А если он не ждёт подвоха от своих? Помнишь, как вышло у Сойки с Лексием?

– Наставник – мастер с любимцами управляться. Невозможно его подловить, – сказала Настенька.

Любимка поглядел на Глиняшу, зорко следившего за тягателями, и вынужден был согласиться. И все равно на душе было неспокойно.

– И чего он сюда припёрся, – бормотал он, глядя на расшитый шатёр. Урядник, впрочем, тягателям не докучал. Никакого дополнительного надзора не устраивал. Он даже не показывался, словно чего-то ждал. – Ёшки-матрёшки! – тревога постепенно переплавилась в другое чувство. – Ску-учно! – Какое-то время он глядел, как Настенька рассказывает Науму о травах, наконец, не выдержал: – Настя, пойдём, покажешь нам, как следы читать. Очень уж здорово у тебя выходит...

Травницу не пришлось долго уговаривать. Чтобы лишний раз не попадаться Фролу на глаза, пошли на юг. Глиняша приподнялся на задних лапках, Любимке показалось, что начнёт возражать.

– Тренироваться мы, – сказал. – Недалече!

Любимец поглядел на восток, куда ушёл Стоян, потом в том направлении, куда собирались тягатели.

– Кха, – он махнул лапкой и уселся назад.

Какое-то время шли по лесу молча, потом Настенька остановилась.

– Вот. Смотрите. Кто здесь, по-вашему, прошёл?

Любимка вытянул шею, считая, что так больше разглядит. Рядом упорно потел Наум: ему казалось, что усердие – в поту. Оба ничего не разглядели.

Настенька рассмеялась. Ребята заслушались, у девушки был очень звонкий и задорный голос, хотя обычно она не позволяла себе громких звуков.

– Вот, смотрите. Сюда он копытом ступил, а вот здесь клок шерсти оставил. Здесь рогами кору сбил, а вот тут листья объел.

Она показывала все больше и больше признаков, вскоре даже Любимка стал примечать. Наум кивал и что-то бормотал. Толстые пальцы шевелились, шаря по поясу. Любимке показалось, что сейчас он достанет книжицу и начнёт записывать. Настеньке явно нравилось их учить, Любимка залюбовался блеском её глаз и светом улыбки. Такой травницу он ещё ни разу не видел, а потом...

– Что это? – Как ни странно, первым спохватился Наум. Настенька все ещё улыбалась, посмотрела на него. – Гул какой-то... – проговорил Наум. – И земля как будто подрагивает...

– Молодец, толстяк, – с ближайшего самого густого дерева соскочила гибкая фигура. Сверкнули загорелые коленки, синие волосы разом сделали чашу ярче.

– Сойка, ёшки-матрёшки! Ну ты тихо подобралась! Я ничего не услышал!

– А я слышал звуки, но думал... – Наум смутился, – белка.

Сойка фыркнула. Любимка тоже хотел что-нибудь сказануть, но через подошву сапог ощутил странную дрожь. С громким криком с ближайшего дерева сорвалась стайка птах. Уже помянутые белки целым выводком поспешили убраться подальше.

– Не к добру это, – проговорила Сойка.

Настенька перестала улыбаться и нахмурилась.

– Ни разу такого не слышала...

Лес притих. Тягатели напряжённо вслушивались. Звук нарастал. Земля дрожала все сильнее. Потом раздался ужасный хруст и скрип – это падали деревья.

«А ведь сосны здесь – будь здоров! Дальние родственницы стальных деревьев, – подумал Любим. – Кто может так просто их ронять?»

Они с Сойкой всматривались в лес. Сквозь зелень мелькнуло что-то бурое. Отрок не сразу понял, что видит. Когда голова обработала то, что посылают ей глаза, эти самые глаза расширились до предела: по лесу двигалась чудовищно огромная туша. От каждого шага огромной лапы содрогалась земля. Гигантская лобастая голова таранила деревья, словно хворостинки. Они обламывались с жутким треском.

Тягатели переглянулись.

– Бер! – неверяще воскликнула Сойка. – Да какой огромный!

– Одержимый зверь, – пропыхтел Наум. Толстоватого парня била непрекращающаяся дрожь. – Откуда он здесь?! Стоян говорил, что весь лес прочёсан, как мелким гребнем.

– Шагает с другой стороны, не оттуда, куда дядька Стоян утопал. Не удивительно, что даже любимцы его не видели.

– Коли бы мы за олешкой не пошли, – сказала Настенька, – и мы бы его не услышали. Медведко тихо идёт, прячется.

– Мечи-калачи! Так это он ещё и скрывается?! – разинул рот Любимка.

– Надобно вернуться, – проговорил Наум дрожащим голосом, – без наставника нам с таким не управиться.

Сойка поглядела на него и захохотала:

– Ха-ха! Вот так парень! Чудо-юдо увидел и портки обмочил?!

Её синие волосы ярко блистали в пробивавшихся сквозь листву лучах солнца. Они с Любимом переглянулись, одинаково блестя глазами.

– Мечи-калачи! – воскликнул отрок. – Ты думаешь о том же, о чем и я?

– Точно! – Сойка буквально лучилась счастьем. – Идём, завалим этого здоровяка!

Девушка легко запорхала по лесу в сторону медведя. Её волосы яркой полосой выделялись на тёмном фоне леса.

– За ней! – скомандовал Любимка и кинулся следом. Далеко уйти не получилось, почти вбежал в резко остановившуюся Сойку.

– Тихо ты! Не пихайся! – зашипела она и так его пихнула, что отрок едва не упал. Краем глаза увидел Наума, который опасливо держался в десяти шагах, чуть ближе мелькнула пахнущая травами сума Настеньки. Стало быть, травница тоже не усидела на месте.

Хруст и дрожь земли прекратились. Бер остановился и бросил в их сторону тяжёлый взгляд. Крохотные для такой огромной морды глазки тускло мерцали из-под массивных надбровных дуг, словно два зверька в норках. Пасть, в которую Любимка поместился бы целиком, приоткрылась. Внутри мохнатой горы заклокотало, завибрировало. От утробного рыка дрожало сердце, и шевелились волосы на загривке.

– Отлично! Ты – мой! – проговорила Сойка и сунула два пальца в рот. – Фи-у, фи-у, фи-и-у-фьють!

Свист нарастал постепенно, но вот уже от него гнутся деревья и летит листва. Любимка зажал уши и присел. Хоть и стоит за спиной тягательши, но все равно ощущает мощь её посвиста. Каково же тогда там, впереди.

Свист изменился, теперь он был звонкий и режущий. Режущий не только слух. У Любимки глаза полезли наружу. Стволы деревьев дрожали и рассыпались на поленья, разрезанные сразу в нескольких местах. Это же какая силища в этой девчонке?! Неужели она и Лексия таким же макарон резала?! Как же он сдюжил?!

Медведя почти не было видно. Запорошило листвой и трухой, забросало брёвнами и ветвями. Свист длился и длился. Сойка явно выдавала лучшую свою атаку. Когда звук резко стих, Любимка был полностью уверен, что медведю пришёл конец.

– Так то! – весело выкрикнула девушка.

В лесу повисла тишина, лишь шуршала, оседая, листва и стукали, падая, чурбачки.

– Не может быть! – разинула рот Сойка. – От этой атаки ещё никто...

– Все когда-нибудь случается в первый раз, – проговорил Наум, вставая рядом. Весь лес слышал, как он дрожит.

Любимка не верил собственным глазам: впереди среди изломанных изрезанных стволов лежал огромный ком меха. По крайней мере Любимке он показался именно таким. Ком шевельнулся. Из него показалась медвежья морда и лапы. Шерсть по всему телу бера вздыбилась и уже не выглядела мягкой и пушистой – стала словно проволока, из которой гнут кольца для кольчуг.

– Не может быть, – повторила Сойка. Голос её дрожал, на глазах выступили слезы. – Он должен был упасть!

– Это одержимый зверь, – голосом зануды сообщил Наум, – а демон способен изменять зверя. Он усилил его шерсть – она прочная, как сталь. Видишь отметины от твоих ударов? Они не сумели пробиться даже наполовину.

Любимка видел. В том месте, каким бер был повернут к ним во время атаки, крест-накрест темнели полосы, словно кто-то пытался прорубиться сквозь шерсть гигантским мечом. Но тщетно.

Пасть медведя приоткрылась.

– Р-р-р-ра!

Их сбilo с ног. Любимка кувыркнулся и покотился по лесу, собирая кочки и пни, под конец приложился о ствол сосны. Вокруг головы побежали звёздочки, а сверху посыпалась труха. На землю шлёпнулась белка, вскочила, проверещала что-то на своём зверином языке и серой молнией исчезла в кустах.

– Нужно бежать! Нам с ним не справиться! – заголосил Наум.

Любимка кое-как приподнялся и увидел его взлохмаченную голову, торчащую из-за дерева.

– Вряд ли мы сможем, – охнуло рядом – Сойка тоже была здесь: лицо в ссадинах, в расчёпанных волосах запутались хвоинки и целые веточки, юбка задралась, обнажая красивые ноги... Любимка тряхнул головой – не до прелестей теперича!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.